

Дмитрий Калюжный

**Эквиполь
инженера
Шилина**

научно-фантастический
роман

Дмитрий Калюжный

**Эквиполь инженера Шилина.
Научно-фантастический роман**

«Издательские решения»

Калюжный Д.

Эквиполь инженера Шилина. Научно-фантастический роман /
Д. Калюжный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851588-0

Изобретатель Боб Шилин придумал прибор, позволяющий преодолевать силы гравитации. Начальство его не ценит, жена бросила... Он использует прибор в личных целях и привлекает к себе внимание международных террористов, российской Службы антитеррора и спецслужб нескольких стран: ведь, по сути, он изобрёл новое оружие! Шилин пытается скрыться от сумасшедшего, меркантильного, агрессивного мира. Но этот «мир» будет гоняться за ним до последнего, до своего самоуничтожения...

ISBN 978-5-44-851588-0

© Калюжный Д.
© Издательские решения

Содержание

Предуведомление	6
Опытный образец	7
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвёртая	31
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эквиполь инженера Шилина Научно-фантастический роман

Дмитрий Калюжный

*°°°С благодарностью Александру Гарбузу
и Сергею Валянскому*

Редактор Елена Ермилова
Корректор Светлана Максимова

© Дмитрий Калюжный, 2017

ISBN 978-5-4485-1588-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение

Как известно, информация в мировом континууме – даже информация о сгинувших галактиках и пропавших Вселенных! – не пропадает. Она сохраняется в световых волнах и переходит в материю новой Вселенной, оживляя и одушевляя её. Но так происходит не со всякой информацией. Конкретика общественной жизни исчезнувших человечеств оказывается непонятной жителям новых миров, если только не удастся, уловив её, реконструировать в терминах новых людям нового мира.

Читателю надо иметь в виду, что в данной книге представлена история событий, произошедших не в нашей Вселенной. Это подлинный рассказ о том, что действительно произошло, но не с нами, а с существами, разительно на нас не похожими. Описания ландшафтов и техники, общественных отношений и экономики, языка и одежды в этой книге – условны; они изложены так, как изложены, только для понимания текста современным читателем. Имена и внешность героев вымышлены, а их мечты, намерения и поведение не имеют абсолютного смысла.

Опытный образец

Глава первая

1

Первым номером программы в это утро оказалась встреча с бывшей женой. Вернее, не совсем бывшей, а пока ещё законной, которая, впрочем, сама себя за таковую давно уже не считала. А началось утро с телефонного звонка, который прозвучал, когда Борис, он же Боб Шилин, собирался двинуть на работу, в Институт космических проблем.

Это была она, Анастасия, тридцатилетняя специалистка «по восточным делам». То она переводчик с китайского, то редактор, то чей-то референт: её лживость не знала границ; Боб давно бросил попытки выяснить, где и чем она занимается.

– Куда подевался? – прогнусавила она своим томно-визгливым голосом. – Все выходные тебе названиваю!

Бориса немедленно начало трясти. Он её ненавидел. Знал, что это недостойное чувство, старался относиться к ситуации с юмором и – ненавидел. Просто в глазах темнело, когда он её слышал.

– Чего тебе? – спросил он, стараясь быть максимально спокойным.

– Надо поговорить! Я сейчас к тебе приеду.

– Не надо, я занят.

– Я уже выхожу. Сбегай, возьми круассанов.

– Поговорить можно и по телефону, – всё ещё пытаюсь сдерживать себя, сказал Боб, но она бросила трубку.

Он заходил кругами. «Господи, за что мне это?» Анастасия уже два года жила у Анатолия, который представлялся всем Толян. «Это у них, шоферов, корпоративное, – подумал Шилин. – Вован, Толян... Санёк, Мишаня... Уроды». Его жену Толян звал Анечкой, и она млела. А когда он сам, Боб, в минуты нежности звал её Насенькой, была ужасно недовольной.

Этот мордатый Толян был вхож в компанию её подруги Виолетты, которая откликалась на кличку Ветка. Боб даже думал, что он с той Веткой «любовь крутит». А он крутил с его женой, только звал её Анечкой. Бывало, Боб скажет в застолье: «Моя Настя то-то и то-то» сказала там или сделала, а Толян в ответ – вроде как о своей: «Моя Анечка то-то». И никто в компании, конечно, не понимал, что говорят об одной и той же... Хотя, скорее, все всё знали и веселились от души, особенно Настька, только он, идиот рогатый, не понимал.

А потом она к Толяну переехала, и все дела.

...У неё был свой ключ, и Боб не сразу заметил, что уже не один в квартире. Обернулся, услышав презрительное:

– А пыльно-то, захламлено... Шилин, о чём ты думаешь? У квартиры совершенно непрезентабельный вид!

И она деловито прошлась по комнате, осматриваясь, будто оценщик, даже не взглянув на Боба. Приподняла двумя пальцами покрывало на диване, изобразила брезгливость своим накрашенным ротиком, прошагала в кухню, чем-то там загремела, воскликнула:

– Вот она, эта кастрюля! Я её забираю.

– Какого чёрта тебе надо?! – закричал Боб. – Чего ты тут роешься?!

Из прихожей выдвинулась туша Толяна. На лице его сияла совершенно искренняя улыбка радости, руки раскинуты – он, похоже, собирался обниматься с мужем своей сожительницы. Этот бывший таксист, а ныне владелец автосервиса, рассматривал весь мир как подарок лично ему, но иногда снисходил ко всяким прочим людишкам, позволяя им чувствовать себя *приоб-*

щётными. Боб Шилин с ним водку пил, женщину делил – значит, они теперь дружки-приятели навеки. В правой руке он сжимал какой-то длинный предмет, с виду – бутылка вина, завернутая в обрывок газеты, сплошь покрытой иероглифами.

С кухни вышла Настёна, помахивая кастрюлей. Боб увернулся от объятий Толяна и завопил срывающимся голосом:

– Поставь посуду на место! Ты и так в прошлый раз все вилки унесла!

По-прежнему избегая глядеть на него, жена сообщила в пространство обиженным тоном:

– Он даже не помнит, что это я покупала!

– Дмитрич, не пыли по пустякам! – заржал Толян. – Неси стаканы, обмоем встречу!

– Да пошли вы все вон!

– Очень интересно! – театрально выламываясь, сказала жена. – Толь, ты представляешь? Его месяцами невозможно застать, а когда к нему приехали по серьёзному делу, он кричит «пошли вон». Как ты думаешь, на суде ему это зачтётся?

– Да уж ты, Дмитрич, и впрямь, – со всех сторон совал свою улыбку Толян. – Ты давай не доводи до суда. Оно тебе надо?..

– Чего мне не надо, так это вас обоих, – максимально искренне ответил Боб прямо в эту нечеловеческую улыбку и с острой тоской понял, что зря он не женился на Оле Прохоровой, а женился на этой кукле.

Ему некстати вспомнилась школа, последний класс. Как он увлекался физикой и химией, а ещё делал авиамодели, гонял на мотоцикле... А вот литературу признавал не всякую. Чепуха, вроде стонов народников, «деревни Терпигорова, Неурожайки тож», его совсем не увлекала. Или ненужные подробности чужой жизни, типа: «Душе настало просветленье, и вот опять явилась ты». И унесла последнюю кастрюлю.

С Олей Прохоровой получилось нехорошо. Он с ней уже всю дружил, даже был у неё дома и познакомился с отцом, дядей Витей. И вдруг такой случай. Пришёл на урок химии, а там два оболтуса, Дениска Завгородний и Серёга Чесноков, говорят ему: «Мы поспорили на бутылку водки, что ты не сможешь выпить мензурку соляной кислоты». – «Я? Не смогу выпить?» – тресь, и выпил. И хоть там был слабенький раствор – это ж всё-таки школа, а не химзавод, – чего-то стало жечь внутри. Тогда Боб, не будь дурак, схватил кусочек натрия, который там валялся в чашке Петри, откусил, прожевал и проглотил. И тут звонок на урок. Он и сел на своё место. Сидел он, естественно, за одной партой с Оленькой Прохоровой.

А в глубинах тощего тогда тельца началась химическая реакция с выделением водорода, который пошёл вверх, куда ж ему ещё-то. Он же лёгкий, как незнамо что. И вот, стал-быть, сидит Боб Шилин рядом со своею любовью и с тихим рычанием травит в сторону горючий газ. И она ему сказала... Неважно, что. Очень обидное. Он хотел объяснить, и даже открыл пасть, но вместо слов выдал ей на одной ревушей ноте ещё кубометр газа. И она решила, что он над ней издевается и совсем не любит.

Уже потом, когда на большой перемене запивали это дело водкой, он сообразил, какого сваял дурака. Выпил кислоту, и бутылку поставил Серёга. А не стал бы пить, бутылку поставил бы Денис. А ведь главное – это результат! С тех пор Боб навсегда запомнил, что как бы хорошо ни был обдуман эксперимент, прежде чем его начинать, надо остановиться и ещё раз подумать...

Чего она там орёт, эта Настёна?

– ...Квартира приобретена в браке и при разводе должна быть разделена поровну, но я не соглашусь, чтобы ты её продавал, пообещав мне потом половину денег отдать, потому что ты меня обманешь. А надо разделить лицевой счёт, оформить свидетельства собственности и продавать от двух собственников в разные ячейки, а если ты против, то только через суд. Но если ты желаешь через суд, то издержки за твой счёт, и я буду требовать больше, чем половину, потому что ты о квартире не заботился, а я тут всё делала и даже окна мыла...

– А где же я буду жить? – удивился он. Имея в кармане половину цены однокомнатной квартиры, ему или в бараки переезжать, или валить из Москвы куда подальше. Но он заметил ещё одну мыслишку, которая выскакивала и тут же пряталась среди других мыслей, которыми была полна его голова: что с такими деньгами он смог бы наконец довести до конца свои эксперименты по созданию магнитного монополя, не обращаясь за деньгами к Никодимычу, начальнику отдела. Никодимыч удавится, а денег не даст.

А жить можно в лаборатории...

Нет, всё-таки придётся идти, выпрашивать финансирование. Тоска!

Однажды он изобрёл уникальный утилизатор пластика. Чтобы его запатентовать, нужны были деньги – маленькие, но он и столько не имел. Ходил, искал: «Кому нужен утилизатор пластика?» Пришли к нему важные дяди-американцы. Договор заключили, аванс дали, чертежи выпросили: мол, экспертизу надо провести. И – исчезли с концами... Телефоны не отвечают, а в Штаты ведь разбираться не поедешь... Через годик сообщение в прессе: в Америке разработан уникальный способ утилизации пластика! Большой успех! И всё. А Боб на их аванс купил однокомнатную кооперативную квартиру. В которой любимая жена-востоковед, в перерывах между поездками в Китай и визитами к Толян, оказывается, окна мыла...

– Короче, – выдала Настёна своё любимое словцо, – давай мне ксерокопию всех страниц паспорта и копию ордера. Я сама всё оформлю, и будем подавать на раздел.

– А у меня нет ксерокса.

– Как нет? – удивилась она. – Что же ты так бедненько? Ну ладно. Иди отксерь на почте, а мы пока попьём чаю с круассанами. Ты купил мне круассанов?

– Конечно. И начинил их пургеном.

Она секунд пять смотрела на него, наморщив лобик, будто вспоминая о чём-то (о том, что у неё муж – физик-химик, подумал Боб), а потом сделала отмахивающий жест рукой:

– Всё равно я не хочу круассанов.

Ещё немного посидела с задумчивым видом, как бы прислушиваясь к себе, и резко встала:

– Нет, это невыносимо. Вы тут, мальчики, поболтайте, а я вас ненадолго оставлю.

Боб засмеялся. Он уже стал подзабывать об особенностях её организма: он реагировал на слова, как на реальную угрозу. Теперь Настёна забьётся в туалет и будет полчаса изживать последствия «отравления» пургеном!

Надо было сказать ей, что начинил круассаны цианидом.

Когда она вышла, Толян опять полез к нему со своей бутылкой.

– Не буду я пить, – отказался Боб. – У меня сейчас важная встреча, насчёт денег.

– Да, я тебе как раз хотел предложить насчёт денюжек, – обрадовался Толян. – У тебя же золотые руки! А мне нужен автомеханик. Вот лично тебе буду платить полторы ставки, честно. А будет негде жить, я тебя ещё оформлю сторожем. И живи прямо в автосервисе моём. Вот тебе и денюжки. А?!

Он явно был собою горд. Боб отказался, но Толян тут же внёс другое предложение:

– Нужны запчасти для иномарок, дам конкретный список. Никаких угонов, ты даже не думай. Мне один тип возил из Германии и Польши, там отличные кладбища авто. Но на той неделе его подловили пьяным за рулём и отняли права. Берись ты! Я даже оплачу первую поездку. Ведь ты же никогда не был за границей!..

Боб надел пиджак, взял старую холщовую сумку и вышел, хлопнув дверью. Всё равно у этих двух идиотов есть ключи от его квартиры...

2

Металлический шар с тусклыми боками, в которых криво отражалась рама окна, и с косо торчащим обрывком провода висел под потолком, упёршись в угол. Боб, придя на работу

и не обнаружив его на столе, было забеспокоился, а потом увидел и... Ну, что? Рухнул в кресло с улыбкой такой же кривой, как и торчащий из шара обрывок провода.

«Заработал, стал-быть, опытный образец», – подумал он. Во вторник не работал, а сегодня, собака, заработал. Впрочем, он и не только во вторник, он и в понедельник, и вообще никогда раньше не работал. Неделями Боб Шилин сидел и вручную менял частоты, одновременно снимая показания приборов. Потом – когда это было? в конце прошлого месяца, когда же ещё – ему это тупое сидение стало невмоготу, и он собрал автоматику. Но «шарик» всё равно лежал, как мёртвый, энергии не показывая, хотя, по собственной Бобовой теории, должен был качать её из мирового пространства в любых количествах. Задолбал совсем, тупая железяка.

Самый-то ужас в том, что нельзя сомневаться в собственной теории. Вот если один физик идеи выдвигает, а другой их в деле проверяет, то кто-то из них может высказывать сомнения. Даже отвергать может и демонстративно дверями хлопать. А ежели ты в одном лице и теоретик, и экспериментатор, то никуда не денешься: обязан в теорию верить. Иначе надо бросить всё и опять идти в ночные сторожа, как в студенческие годы...

Просидев накануне весь день возле монитора, и почувствовав всем своим пересохшим горлом тщету бесцельного ожидания, он решил сбегать в ларёк взять пива, дабы придать просиживанию штанов хоть какой-то смысл. И сбегал. Но поскольку был уже поздний вечер, а по пути встретился приятель Алик из отдела космической биологии, уже и не вернулся. Ушёл, не выключив аппаратуру. И всю ночь беспризорная автоматика меняла параметры, отрабатывая заложенную в неё программу.

А сегодня утром – на тебе, сюрприз. Шар, наконец, проявил себя. И проявил грандиозно: исчез со стола. На мониторе высвечивалась надпись «ошибка соединения», провода были частью оборваны, а частью тянулись к потолку, где и висел теперь шарик, и на подёргивания за провода не реагировал. Как приклеило его. А когда Боб рванул посильнее и случайно выдернул из шара «энергетический блок», а если проще – батарейку, с грохотом упал в кучу бумаг на том конце стола.

Сердце Боба рухнуло вместе с ним: как бы он чего нужного не расколотил! «Что у меня там лежит-то, под этими бумагами? – подумал Боб. – И что это вообще у меня на столе валяется, откуда взялось?» Он подхватил шар левой рукой, а правой стал поднимать бумаги и обнаружил там данные для расчёта теплопроводности тefлоновых сковородок: «Совсем о них забыл, дьявол», – сунул руку ещё глубже в своё инженерное прошлое и взвыл, уколотившись обо что-то острое. Ага... Разбитый стакан с засохшим кофе и пепельница. Вот она, оказывается, где пряталась.

Обдув с экспериментального образца пепел, Борис (для друзей – Боб) Дмитриевич Шилин, ведущий инженер без научных степеней, заслуженный изобретатель Федерации, задумчиво посасывая уколотивший палец, стал размышлять. Батарейка больше ватта не даст никогда. А сам шар в кило массой. Но попёр, и лихо попёр! Стал-быть, он выкачал из мирового пространства не меньше киловатта. Однако!

А во вторник-то что было? Сидел я тут, снимал показания. А о чём думал? О детях я думал. Но у меня детей нет, и не было никогда. Так? Так. Но я о них отчего-то думал, да. Я делаю монополь, магнит с одним полюсом. Что он такое, монополь этот? – элементарная частица, очень тяжёлая. Шатается незнамо где, пробивая Землю за-ради простого интереса. Нужна ловушка, но сделать её нельзя. Потому что если у монополя нулевая скорость, то неизвестно, где он. Если известно, где, то неизвестно, куда летит. А если не знать, куда летит, то невозможно уловить, где он.

Вот как интересно он устроен.

Поэтому я собираю ручной вариант магнитного монополя. Вроде игрушечной собачки. Если получится, думал я, можно будет черпать энергию прямо из вакуума, а точнее – из маг-

нитного поля Земли. Об этом я вчера думал, точно! Я собирался выяснить рабочую частоту, типа, как эта моя собачка машет хвостом, чтобы определить параметры гистерезиса. И уходя вчера за пивом, я поменял ему... что я ему поменял? Кварц я ему поменял. Ага-а... И он, стал-быть, поймал свою частоту и стал на один вложенный ватт выдавать киловатт. Пока мы там с Аликом анекдоты травили под пиво с крабовыми палочками.

Но почему шар взлетел?!

Боб был обескуражен полученным результатом. Его не очень волновало, что произошедшее полностью противоречит закону сохранения энергии, постулатам термодинамики и вообще большинству законов современной физики. Он *предполагал*, что сможет напрямую превращать энергию магнитного поля Земли в электрическую, но не ожидал, что она, энергия эта, пойдёт в тысячекратных размерах, а тем более, что у аппаратуры появится желание улететь куда подальше. «Слава Богу, взлетел, а не взорвался, ведь могло и бабахнуть», – обдало его холодом.

Поток мыслей в его голове шёл сам собою, а руки уже припаивали провода к шару; на этот раз блок с батареей он сделал выносным. Боб надеялся, что внутри аппарата при падении ничего не оторвалось, а потому не стал его развинчивать. Ну, чтобы не спугнуть удачу. Да и нечему там, откровенно говоря, отрываться, слишком он плотно набит. Подсоединять провода к амперметру и компьютеру тоже не стал: пока не нужно. Закончив работу, утопил батарейку, дав напряжение на контакт. Одновременно он на всякий случай придерживал шар одной рукой, и не зря: образец так ощутимо даванул вверх, что Боб схватил его двумя руками, но шар всё равно тянул. Шилин попытался зацепиться за что-нибудь ногой и опрокинул стул, ноги оторвались от пола, и тут шар остановился.

Бросив его и снова очутившись на полу, изобретатель поднял стул, сел и уставился на дело рук своих. Шар застыл, не долетев до потолка сантиметров этак двадцать (мелькнула мысль: «Надо измерить высоту подъёма»), вниз от него – но не точно вниз, а наискось! – висели провода.

«Ну и что теперь? – вдруг подумал Боб. – Кому это надо?..»

Своё первое изобретение он сделал давным-давно, ещё когда учился в восьмом классе. Это было «вечное жало» для паяльника. Обычное жало приходилось менять раз в месяц, что для школьника было всё-таки накладно. А он сделал вечную вещь, без дураков. Как же он был собою горд! Как был счастлив! Прямо-таки ждал, что его начнут носить на руках. А девчонки будут перешёптываться: «Тот самый Шилин, знаменитый». И сердце сладко замирало...

Сегодня, двадцать с лишком лет спустя, имея несколько десятков патентов на изобретения и ещё около сотни изобретений без патентов, он, думая «о внедрении», не чувствовал ничего, кроме брезгливой скуки. Он, конечно, понимал, что на этот раз изобрёл действительно нечто феноменальное. Ну и что? Боб и так знал себе цену. Беда в том, что эту цену никто не хотел платить.

Взять хотя бы историю со «Сварком», сварочным «карандашом». Создав его, он думал: какая это нужная для ремонтников и спасателей штука. Любой человек в любых условиях – даже под водой! – получает 3800°C без газовых баллонов, без громоздкого электрогенератора, вообще без ничего. И что? Никто не захотел взять эту новинку в производство! Он сам со знакомыми ребятами, за свои деньги, сделал партию «Сварков» и предложил магазинам. И пришлось продавать втрое ниже себестоимости, лишь бы «отбить» хоть какие деньги! Без рекламы-то в наше время никуда, а на рекламу денег не было... А когда в багаже убитого чеченского диверсанта brave вояки обнаружили связку «Сварков», его же, Боба Шилина, таскали на допросы: он, оказывается, «пособник террористов»! Мрак.

А «Октанометр бытовой»? За него вообще чуть не убили. Хотя, казалось бы, чего такого? Пусть бы в бардачке каждой машины лежал этот небольшой приборчик. Захотел водитель проверить, к примеру, на заправке октановое число бензина, что льют ему в бензобак, да и прове-

рил. Нет, «нам такого не надо»... Да и тот «вечный» паяльник, если вспомнить. Кто его сейчас выпускает? Никто не выпускает. Вечные вещи не выгодны.

С треском распахнулась дверь, и в лабораторию ворвался Алик, приятель Боба, с которым он вчера пил пиво. С детства стукнутый фильмами про Джеймса Бонда, он при знакомстве, особенно с девушками, любил представляться так: «Алик. Просто Алик». Специалист по космической биологии, тоже интересный предмет. Поскольку в институте не имелось ни одного объекта для изучения, он занимался в основном переводами из американских журналов, шустрил ещё на нескольких работах, подторговывал книгами на всяких конференциях, а в ИКП забегал, чтобы позвонить за границу или бесплатно посидеть в Интернете.

– Слышь, Боб, там Никодимыч орёт... – прямо от дверей начал Алик и осёкся, увидев висящий посреди комнаты шар с проводами наискось. – Это что у тебя тут за атмосферный сперматозоид?

– Монополь, – нехотя сказал Шилин. – По-гречески, всемагнитнейший магнит, с одним полюсом.

– Сам висит?

– Сам, в натуре.

– Это, что ли, то самое, на что ты просил гранты у этих... как их...

– То самое. И у этих просил, и у тех. И у военных, и у гражданских. Никто, Алик, не верил, а вот...

– Получилось?

– Кажись, получилось. И без грантов!

– Ух ты!.. Мой тебе, Боб, дружеский совет: не показывай никому. Если отдашь нашим, ничего не получишь. Надуют, падлы. Лучше продай Эмилю Кио. Или этому, как его... Честерфилду. Денег отсыплет немерено.

– Копперфилду?

– Ну а я о чём? Богатый парень, я тебе говорю. Хочешь, адресок узнаю в редакции «World's geography»? Я им звонить сейчас иду.

– Нет, спасибо. Это опытный образец, рано продавать. А чего Никодимыч-то орёт?

– Никодимыч?

– Ну, начальник мой. Ты сказал, он там орёт.

– А, да. Орёт. Как ты всё запоминаешь? У него куда-то подевались материалы по тефлоновым сковородкам, которые прислали из Малайзии. А заказчик требует результаты.

3

Начальником Бобова отдела был Никодимыч Сурин. У него, наверное, имелось какое-то имя, но оно было известно разве что бухгалтеру, а все звали его просто Никодимычем, но на «вы». Никодимычу было 65 лет, и он ходил с соответствующей его кандидатской степени внушительной лысиной. «Отрастил бы бороду, был бы доктором», – это он сам так шутил. Но бороду не отращивал, а докторскую не писал. Зато ездил на «Лексусе» с водителем, любил преферанс и коньяк, и иногда позволял себе хорошую сигару.

А всё потому, что в отличие от прочих кандидатов физ.-мат. и прочих наук, которых по сию пору немало обреталось в их институте, Никодимыч Сурин обладал потрясающим умением находить договорные коммерческие работы. «Хозрасчётные», как говорили при старом режиме. Чуть только из-за какого-нибудь угла потянет запахом денег, так и знай, что Никодимыч уже там: обольщает, уговаривает, рокошет внушительно. Был случай, он, обрабатывая потенциального заказчика, три дня играл с ним в преферанс под очень качественный коньячок. И тот, бедолага, помер. Но холодеющей рукой успел подписать договор, так что заказ Никодимыч получил. В Киеве дело было, в готеле «Славянский».

– Чем ты занимаешься, Борис? – возопил он, увидев входящего к нему в кабинет Боба Шилина. – Заказчик из Малайзии, наш дорогой друг Самуил Семёнович вот уже месяц ждёт расчёты теплопередачи на поверхности тефлоновой сковороды! А ты забрал все материалы и вообще куда-то сгинул!

– Я, Никодимыч, магнитным монополем занимался, – промямлил Боб. Терялся он почему-то перед всяким начальством. Не потому, что боялся – нет, Боб Шилин сроду никого не боялся, – а потому что никак не мог понять, чем же это начальники лучше нена начальников, что вот они стали начальниками, а нена начальники не стали. Была в этом какая-то тайна, разгадать которую Бобу, при всех его изобретениях, дипломах и патентах, не было дано.

– Мёртвая тема, этот монополь, – махнул рукой Никодимыч. – Никто под неё денег не даст. Брось.

– Но вы же сами говорили в 1984 году на конференции по кваркам, что было бы полезно для народного хозяйства поймать...

– Слушай, не морочь мне голову, – возмутился Сурин. – Мало ли кто, что и зачем говорил в 1984 году. Тогда всё было не так, и я знал, да и все знали, что поймать частицы с одним магнитным полюсом нельзя. Даже неизвестно, существуют они или нет. Но забить эту тему в план работ было полезно. Тогда, мой милый, под план деньги давали!

– Время монополя пришло! – воскликнул Боб с деланным энтузиазмом. Ему, чтобы продолжать исследования, требовалось обязательно заручиться поддержкой Никодимыча; в последнее время в их институте обчёты по неутверждённым темам делали только за нал. А где ж его взять?..

– Конечно, – сказал Сурин, ухмыляясь, – если бы удалось поймать стаю монополей, положить в коробочку и показать клиенту, то даже могли бы дать денег... Но это мечты. Монополь поймать нельзя.

– Я не собираюсь *ловить*, я собираюсь искусственно *создать*.

– Пожалей своё время. Создать искусственный монополь тем более нельзя. Если долго резать магнит, всё равно останется последний атом, который обладает полноценными магнитными свойствами. В ФИАНе работал один чудак – я его знал, кстати, – он полжизни магниты пилил. Под конец на него было страшно смотреть.

– А у меня другой принцип, Никодимыч...

– Ты знаешь чего, ты плюнь на принцип и давай займись-ка сковородкой. Смотри, оставлю без зарплаты...

– На расчёты по сковороде мне нужно полдня, – заискивающе сказал Боб, – и на оформление денёк. А вы бы мне за это, Никодимыч, устроили бы, чтобы денька два программисты поработали на меня.

– Помню-помню я эту шутку, – обрадовался начальник. – «Наука есть способ удовлетворения личного любопытства за государственный счёт». Но нет больше того счёта, кончилось госфинансирование науки, Борис! Кто платить будет за твои левые расчёты? Я?..

– Да у меня уже получается! – воскликнул Боб. – Мне только просчитать соотношения частоты и амплитуды.

– Да-да, – покивал Никодимыч. – А потом соотношения магнитной проницаемости со среднемировой ценой на кофе, потом вывести новую константу, потом...

– Что же делать?!

– Удовлетворять любопытство за собственный счёт. Иди, обсчитывай сковородку, бездельник! Сделаешь завтра к обеду, премию дам. И может, позвоню программистам...

4

Боб Шилин и без советов Никодимыча давно завёл себе дополнительный источник дохода. Правда, такой... ненадёжный.

В начале капиталистических реформ изобрёл он способ гнать спирт из бытового газа. Чего там такого особо сложного-то? Формула газа CH_4 , формула воды H_2O , формула спирта – $\text{C}_2\text{H}_5\text{OH}$. Никакого философского камня не надо, чтобы превратить одну смесь углерода, водорода и кислорода в другую смесь тех же атомов. Он и сваял приборчик: один шланг соединяешь с газовой трубой, второй – с водопроводным краном, с третьего весёлой струйкой бежит чистейший ректификат. А между этими шлангами – само изобретение Боба Шилина, реактор с катализатором. Тонкость заключалась в очистке: газ-то всегда с примесями, а они почему-то не все для здоровья полезные – такая у них природная странность...

Время, как и положено в эпоху перемен, было весёлое: цены на товары и услуги устроили соревнование – кто быстрее и выше прыгнет, а зарплат никому не платили, а кушать почему-то хотелось ничуть не меньше, чем при советской власти, и на работу ездить (хоть там и не платили) тоже было надо. Вот Боб и стал производить свою собственную, обеспеченную всенародной жадой валюту – спирт. Расплачивался ею за всё: за картошку на рынке, за поездку на такси; однажды умудрился покрыть спиртом долги по квартплате.

Как-то понадобились ему цветы; у Киевского вокзала коммерсант-цветочник по имени Муршуд плату взял спиртом. И спросил, откуда напиток. Если, дескать, из Осетии, то не возьмёт. Боб ему и признался, что гонит сам из газа, но редко, потому что непьющий.

Муршуд был просто потрясён.

– Слюшай, дарагой, – сказал он. – Как ты можешь допускать, что такой хороший аппарат зря простаивает? Ты посмотри, какой плохой обстановка в стране. Безработные, вах! Бедные люди не знают, что делать. Савсэм пропадают. Вот я, очень хороший портной, торгую в Москве цветами. В Баку никто не заказывает у меня костюм. Разве это правильно, дарагой?..

Боб согласился, что неправильно, и тоже задал вопрос.

– А зачем тебе спирт? – спросил он. – Я слышал, Коран запрещает пить!

– Хвала Аллаху! – со счастливой улыбкой ответил бывший портной. – Коран запрещает правоверным пить вино. Про спирт нет запрета в Коране, – и он вскинул руки, будто восхищаясь дальновидностью и милосердием Аллаха.

В общем, слово за слово, сговорились: Боб отдаёт Муршуду свою спиртогонную установку, тот своими силами налаживает производство и сбыт и выплачивает изобретателю часть прибыли.

– Это у нас получится лизинг, – сказал обрадованный Боб, но его новый партнёр отчего-то обиделся, и пока Боб не объяснил ему, что такое лизинг, сделка висела просто на волоске. В конце концов они помирились, оставили не распроданные цветы соседнему торговцу («Раньше педиатром был», – шепнул Муршуд Бобу) и отправились дегустировать продукт перегонки.

Во время попойки Муршуд хвастался, какой он хороший портной («Вот, сматри, костюм на мне, ты в магазин был, такой костюм-мостюм видел, да?»); Боб чего-то плёл про космические проблемы. И надегустировались они до такой степени, что слова «катализатор» и «вредные примеси» так ни разу и не всплыли в их разговоре. Правда, Шилин честно предупредил партнёра, что срок годности агрегата пять лет, не больше, но тот отмахнулся:

– Нэ пугай, космонавт! У нас гаварят, гдэ пять, там и дэсять!

И вскоре появилась у Муршуда на Рябиновой улице, среди сараев, своя фирма. Три азербайджанца гнали там газ через агрегат Боба, превращая его в спирт, ещё пятеро развозили полученный продукт по торговым точкам. Позже Муршуд выпросил у Боба ещё аппаратов, сначала два, потом ещё три; соответственно возросло количество азербайджанцев на Рябиновой улице.

А потом Муршуд из Москвы исчез.

Его работяги долю Боба (он к ним навевывался раз в квартал) сначала отстёгивали продуктом, а Боб сам продавал, и на это они с женой жили, – тогда она ещё не сбежала к своему

Толян. Потом стали давать деньгами, но всё какие-то смешные суммы. Он долго утешал себя тем, что так и должно быть: дело-то в стадии становления! Но сумма не только не возрастала, но и не индексировалась, несмотря на инфляцию.

Однажды появился Муршуд, похвастался, что купил себе дом в Турции, а отдыхать летал в Индонезию; наобещал, что платежи возрастут, и выпросил ещё один аппарат. И опять исчез.

А Боб по-прежнему в качестве платы за лизинг получал не долю от прибыли (он так никогда и не узнал, какова была на самом деле эта прибыль, хотя мог бы подсчитать), а разные мелкие суммы, хотя спирт теперь давала не одна газовая труба, а шесть! Денег от эксплуатации аппарата, увезённого Муршудом в неведомые края, он тоже не получил. И спросить: что за дела? – было не у кого. Муршуд был большой начальник, босс, и его работяги замолкали намертво, стоило Шилину поинтересоваться, как его найти. Они терпели русского недотёпу только потому, что он с их боссом был на «ты». У Боба сложилось впечатление, что они принимают его за шестёрку из какой-то «крыши».

И вот на днях Муршуд позвонил ему сам!

Он говорил оскорбительным тоном. Он презрительно шипел!

– Слюшай, дарагой, за что я тебе зарплату плачу, э?

– Так это не зарплата, это роялти! – засмеялся Боб. Он даже обрадовался звонку партнёра: вдруг удастся решить все финансовые проблемы разом?

– Какой-такой рояль?! – заорал в ответ Муршуд. – Мои люди сообщают, что все твои аппараты дают вонючую воду вместо спирта!

– Пять лет прошло, милый! – изумился изобретатель. – Я же предупреждал...

– А где был твой авторский надзор? – надрывался вчерашний друг. – Я к тебе свой адвокат пришлю!

– Ничего себе, – возмутился Боб. – А разве меня подпускали к аппаратам? Разве меня хоть раз о чём-то спросили? Разве у нас есть с тобой договор? Да мне последний раз дали сто рублей, совсем обалдели. Я на дорогу потратил больше.

– А твой последний аппарат, который я в Турция привёз, савсэм плохой! Отраву делает!

– В Турцию?! Ну, ты дурак, братец. Там же газ туркменский, не такой, как в Москве. Катализатор на него и не рассчитан.

– Не знаю я, кто такой катализатор! А что целая деревня курдов отравилась, я знаю! Я от них еле убежал, из-за тебя всё! С тебя теперь семь новых аппаратов, и ещё неустойку с тебя возьму.

– Ну, это ты перебеёшься. С тебя неустойка, с тебя!

– Да? А ты думаешь, я родственникам отравившихся курдов про тебя не сказал, да? Я им твой адрес дал, Боб! Курды страшные! Кровная месть! Они тебе сделают лизинг! Пожалеешь, что на свет родился! Я через неделю буду в Москве, чтоб явился...

На этом связь прервалась.

5

Боб не был математиком. А любая теория лишь тогда хоть на что-то годится, если есть соответствующий математический аппарат, сиречь формулы, на основе которых изобретатель, создавая техническое устройство, сможет делать расчёты. Требовалось понять и описать суть множественности измерений, производных волновой функции и прочую специфику. Вот почему он, едва замыслив создание мономагнитного прибора, обратился к бывшему начальнику вычислительного центра Института космических проблем Саше Стражестрахову.

Боб с ним был в давних дружеских отношениях. Ещё на первом году работы ему, молодому специалисту, поручили делать новогоднюю стенгазету, и он, сочиняя эпиграммы на всех сотрудников, посвятил Стражестрахову такое четверостишие:

*Разор царил бы в этом мире,
И в страхе мы б сбежали прочь,
Но вникнув мыслью в суть цифири,
На страже он, готов помочь.*

И сразу между начальником ВЦ Стражестраховым (который, несмотря на должность, был известен как невероятный насмешник) и молодым специалистом Шилиным установились дружеские отношения.

Это был последний нормальный для науки год. Затем начался разор. Боб, в силу малости срока работы в нормальных условиях, оказался к этой ситуации более приспособленным, чем старые кадры. Люди с научными заслугами портили себе нервы, пытаясь вернуть прежнюю жизнь, что было совершенно невозможным, или спивались, или бросали всё и исчезали в никуда... А молодые, вроде Боба и «просто Алика», выросшие в условиях горбачёвской перестройки с её предпринимательским душком, ещё будучи студентами научились «крутиться», выживать в изменчивом мире.

Но и кое-кто из старых научных зубров остался «на страже», просто продолжая работать. Одним из таких оказался Саша Стражестрахов, так что Боб правильно угадал его характер. Он теперь, правда, перестал быть начальником ВЦ, потому что за ненадобностью ликвидировали ВЦ вообще, а ушёл старшим математиком к баллистикам.

На чём работали в прежнем ВЦ, нонеча даже выразить невозможно. Аббревиатуру РС/АТ произносили с придыханием; людей, понимающих, что такое «айбиэм совместимый», были считанные единицы; слово «Пентиум» вообще ещё не было известным. Уже потом, когда государство опять заинтересовалось космосом, стараниями Стражестрахова в институте стали исчезать громоздкие ЕЭСки Ереванского производства, а появились элегантные персоналки и компьютерные станции САН...

В начале эпопеи с мономагнитными шарами старый друг подсказал ему кое-что полезное, хотя Боб, поскольку сам тогда ещё не разобрался, что создаёт, не раскрыл ему всех карт. Теперь, озадачившись построением более или менее приемлемой гипотезы, объясняющей полёты его шара, Боб попытался вычислить напряжённость магнитного поля изолированного полюса, запутался, основательно «подвесил» комп и, в очередной раз позабыв про тепловой макет сковороды, опять подался к Стражестрахову. Тот радостно встретил Боба, похвастал по поводу его математической неграмотности, но помочь пообещал, отметив, правда, что в силу жёсткого контроля за финансовой дисциплиной сделать сможет немного. Затем просмотрел записи Боба и воскликнул:

– Но этого не бывает! Нет такого в природе. Ерунда, братец.

– А ты представь, что бывает.

– Представить? Попробую, это же не квадратный трёхчлен. Тогда...

Он задумался. Помечая чего-то на бумаге, иронично бормотал:

– И зачем ты взял этот оператор, он здесь не подходит... А здесь надо брать не ротор, а дивергенцию...

Потом засунул бумаги с вычислениями в папку и попросил времени до завтра. Дескать, дома над ними посидит. Но уже вечером позвонил и без всякой иронии спросил, откуда Боб взял начальные параметры задачи. Шилин ответил, что это чисто умозрительные выводы, прикинулись они ему давеча, вот и всё.

– Ну, тогда ты не иначе как помесь Ньютона, Эйнштейна и Дирака, и вообще гений, – буркнул математик. – Заходи с утра, потолкуем.

Утром толковали долго. Стражестрахов вещал, что, мол, если такую штуку смастерить (хотя это невозможно, потому что так не бывает), то это переворот в энергетике, экономике, физике и новый путь развития человечества:

– Ты посмотри, что следует из этого уравнения! Тело, обладающее такими свойствами, создаёт собственное потенциальное поле, которое, взаимодействуя с магнитными силовыми линиями, перемещается по эквипотенциальным линиям с ускорением, стремясь попасть в эквипотенциальную точку.

– Ага... Хорошее название – «эквиполь».

– Ты вдумайся, Боб: энергия для перемещения берётся прямо из магнитного поля! А запасы энергии в магнитном поле Земли, Солнца и Галактики колоссальны!.. Понятно, что получается чисто академическая штучка, практического значения не имеющая, но нам на это наплевать, нам теорию двигать надо. Не забудь сделать публикацию. Пора уже тебе, пора за кандидатскую садиться.

– Обязательно, – обещал Боб, срисовывая формулы в свой блокнот.

После того как появилось понимание происходящего и уверенность, что опытный образец не рванёт, как атомная бомба, Шилин погрузился в эксперименты. Самым сложным было удерживать мономагнитный шар на месте. Не желал он тихо и спокойно выдавать энергию, всё время его куда-то несло. Хаотично перемещаясь, он попутно наносил разорение в любом помещении, будь то институтская лаборатория или собственная кухня Боба. В конце концов, за несколько дней разработав приемлемую схему подачи питания, Шилин научился руководить перемещениями опытного образца. Осталось научиться выкачивать с его помощью энергию из окружающего пространства.

Глава вторая

1

Капитана дорожной службы Степанова судьба не баловала. Можно сказать, издевалась над ним, как хотела. А он в ответ пытался её обыграть, и это ему иногда удавалось. Но в данный тяжёлый момент, стоя под палящим августовским солнцем на дороге районного значения с железом, рацией и выговором в личном деле, он соображал, что счёт не в его пользу.

Впервые капитан Степанов понял, что судьба играет с ним в пятнашки, когда был ещё сержантом. По всем его тогдашним прикидкам, расчётам и гороскопам, ссудила она ему стоять до конца жизни регулировщиком недалеко от Университета дружбы народов, на пересечении улиц имени выдающихся исследователей: Волгина и Миклухо-Маклая. Первый исследовал историю коммунистических идей, как они там бродили по планете ещё до рождения Карла Маркса, а второй изучал дикие племена, которые бродили по островам Океании уже при жизни Маркса. Степанов, когда об этом узнал, подумал, что этим двоим, Волгину и Миклухо-Маклаю, вместе с Марксом было бы полезно собраться где-нибудь подальше, на островах, и обсудить свою чепуху.

И тогда-то, обнаружив, что судьба его баловать не собирается, он её впервые обыграл. Взял да и помог незнакомой дамочке, когда у «Мерседеса», на котором она ехала мимо него, заглох двигатель. Не формально отнёсся, а *помог!* И закрутилось у него с Людмилой, закружилось... Хоть она была старше него лет на двадцать. Она преподавала историю коммунистических движений в том самом Университете дружбы народов, она же и рассказала ему, на углу каких великих исследователей они встретились. А он возьми да и спроси: откуда у тебя, училка, «Мерседес»? Иномарки тогда были в Москве редкостью... «А мой муж, – сказала она ему, – полковник, командир дивизиона ГАИ, в котором ты, дурачок, служишь...» И устроила так, чтобы Степанова перевели в личные водители полковника. Ну, для дополнительного пригляда за мужем.

В общем, дальше он в рабочие часы обслуживал мужа, а в свободные – жену. Счастливого было время!

Но разве могла судьба смириться с его счастьем? Нет, конечно.

На Первомай дело было. Ему предстояло весь день возить своего «двоюродного» полкана, и поэтому он с его женою отпраздновал накануне. И, судя по результатам, было что-то среди закусок такое, что не понравилось его организму. Какой-то немывтый фрукт подсунула ему судьба. Когда он рано-ранёхонько примчался на работу и забился в сортирчик в конце коридора, то даже и расстегнуться не успел, стучат: «Ехать пора! Ехать! Товарищ полковник уже в машине сидят!»

Удачно, что Москва в тот ранний час была совсем пустой, а то бы не довёз он начальство до Красной площади. Вёл машину, обливаясь потом, «на полусогнутых», опасаясь коснуться сиденья своею тыльной частью. А когда приехали, взмолился:

– Товарищ полковник! Не могу больше! Разрешите отлучиться в ёлочки!

– Какие тебе тут «ёлочки»? – рассвирепел полковник, но Степанов уже не мог соблюдать субординацию и, приседая на ходу, со стонами кинулся к голубым елям. Оттуда на него закричали дежурные чекисты, замахали руками, чтобы бежал он в Александровский сад, и он побежал вдоль высокой кирпичной стены, украшенной надгробными досками, спрашивая у стоящих через каждые десять метров рядовых: нельзя ли здесь *присесть* на минуточку? – и вслед ему нёсся хохот, а ведь он был уже старший сержант! Заочник Школы милиции!.. Как он добежал до сада, а потом до грота в нём, он сам не помнил. Из этого грота уже после окончания демонстрации трудящихся его забрали санитары и отвезли на Соколиную Гору: дизентерия.

И как же в этой банальной бытовой ситуации повела себя Людмила? А?.. Эта пожилая коза, всю свою жизнь преподававшая молодёжи историю революций – вместе со свойственной этой истории конспирологией, заметьте! – стала как бы «между прочим» по три раза на дню спрашивать мужа о здоровье старшего сержанта Степанова! Разумеется, муж напряг мозговую мышцу, сделал выводы и решил от Степанова избавиться. Он даже попытался пришить ему «политику». Случись это печальное событие лет на пятьдесят раньше, обвинил бы его полкан в намерении заразить вождей мирового пролетариата дизентерией. А так всего и придумал: дескать, старший сержант, воспользовавшись случаем, хотел перед самой первомайской демонстрацией обгадить место упокоения вечно живого Ленина. Чтобы лидеры КПСС, встречая колонны трудящихся, стояли на Мавзолее с перекошенными от отвращения мордами.

Благо руководству страны в тот момент оказался не нужен диссидент в рядах ГАИ. А если бы тогда шла какая-нибудь кампания, вроде нынешней борьбы с «оборотнями в погонах», поехал бы сержант Степанов не в степи Оренбуржья, а в тундру Воркуты!.. И уже никогда бы не стал капитаном!

Кстати, нынче именно из-за борьбы с «оборотнями» слетел он с должности старшего инспектора ГИБДД. Принимал он у чайников экзамены по вождению в одном из столичных районов, а его – раз! – и под зад. Не изжита пока в России кампанейщина, тёмное наследие прошлого! И вот стоит теперь Степанов на третьестепенной дороге между Московской и Тульской областями. Но ничего, он опять вылезет, назло судьбе. Не раз и не два он сам возносил себя высоко, а она бросала его в бездну без труда, и он опять вытаскивал себя за волосы.

...Капитан Степанов проводил взглядом натужно воющий запылённый автобус и вздохнул. Ну чем заняться в этой дыре деятельному человеку? Здесь машины проходят раз в час. И кто б знал, что это за допотопные рыдваны и что за чучела в них сидят. Село, сплошное село. К примеру, много ли возьмёшь с этого вот автобуса? Два хвоста морковки и пучок лука. Мда... Надо себя срочно как-нибудь проявить, чтобы опять вознестись высоко, туда, где настоящие люди и настоящие деньги...

2

– Водитель, а водитель! – крикнула какая-то баба в салоне.

Водитель, увидев на дороге лощёного капитана ГИБДД, опирающегося могучим задом на капот милицейского УАЗика, сначала презрительно плюнул в окно и лишь затем пробасил:

– Чего тебе? Сойти, что ли, хочешь?

– Ой, зачем же мне сходить? Мне рано! Я спросить тебя хочу, правду ли бают, что маршрут твой закроют?

– Есть такой разговор, – нехотя ответил водитель.

– Как закроют?! – всполошённо крикнула другая старуха. – А как же нам в Каширу ездить?

– А не хрен вам в Каширу ездить, – бросил с заднего сиденья парень в тенниске. – Из-за таких, как вы, и закроют.

– Как это?

– А так! Автобус подмосковного АТП? Подмосковного. А вы бабки тульские. Вот и ездите на своих тульских автобусах.

– Ой, молодой! А глупый!

– При чём тут возраст? Вы ведь, бабки, тащите к нам свои тульские помидоры и укроп, и продаёте дёшево, а наш подмосковный производитель продать не может!

– А ты сам-то, молодой, чего к нам едешь?

– А он хочет помидоры и укроп ещё дешевле купить!

– Ха-ха-ха!

– Хи-хи-хи!

– Не ваше дело, зачем я еду.

– Ты, парень, это брось! – повернулся назад мужчина со злым грубым лицом. – Я вот ничего не продаю, я покупать приезжаю, у нас-то в деревнях в магазинах нет ничего! Мы деньги вашей Московской области даём. А с них ваш губернатор налоги получает... Понимать надо! А по тебе, таможеню тут открыть, что ли?

– Ваши деньги нашему губернатору не деньги, а слёзы! Он автобус отменит, больше сэкономит.

– Да мы же за проезд платим, ирод! – взвыла первая старуха. – Пятьдесят рублёв в один конец! Мыслимое ли дело, такие цены!

– При советской-то власти пятьдесят копеечек брали. А мы ругались: дорого!

– Да, подорожало в сто раз.

– Держи карман, «в сто»! В сто тысяч. Про деноминацию забыла, что ль?

– Чаво?

– Три нуля, корова! В девяносто восьмом году нули сократили, чтоб народ не пужался.

– Точно, бабы! В сто тыщ раз!

И все ошеломлённо притихли. Боб Шилин, который под общий ор придремал, от тишины очнулся, открыл глаза.

Автобус раскачивался и скрипел.

Он посмотрел в окно: ехать ему оставалось всего ничего. И дальше до деревни, где жила тётца, ещё с часик пешком по грунтовке. Да, далековато у тётки дача. Зато дом у неё отличный!.. Они с покойным тестем при советской власти жили классно. Квартира, дача, новая «Волга»... Ну, это она тогда была новая. А всё равно не уберегли «Волгу». Когда тестю совсем плохо стало, пришлось продать. Правда, остался древний «Москвич» М-401; переоформили машину на Боба, чтоб он тестя по больницам возил. Раритет! Теперь уже не ездит «москвичок», на даче у тётки зря стоит. А он вот в такую даль автобусом прётся... Были бы деньги, купил бы «Ниву».

Боб опять закрыл глаза. Мысли про деньги заставили вспомнить Муршуда. Боб скривился в понимающей ухмылке: он, можно сказать, предвидел, чем дело кончится. Прямо-таки ожидал. Много лет назад он вывел железное правило выживания: рассчитывать можно только на себя. Сам не сделаешь, никто не сделает. Отдашь другому, обратно не вернётся. Мог же он по-прежнему сам гнать спиртик, сам продавать верным людям. Нет, решил сберечь время. Теперь Муршуд его спрашивает: «Я за что плачу тебе зарплату?»

Был у Боба школьный приятель, Серёга Чесноков. После школы двинул по военной стезе. Нынче вышел в генералы. А в девяностых оказался он в комиссии по разоружению, они там занимались утилизацией советских танков. Крепчайшую броню пилили едва ли не ножовками вручную, а потом кусками возили на переплавку. Шилин, когда узнал, за голову схватился. Он тогда ещё не очень соображал, что это за «разоружение» устроили в родной стране. И пришёл он к Чеснокову, и сказал ему:

– Серёга, вы все сумасшедшие. Работу можно сделать быстрее и дешевле!

Чесноков схватил его за руку, быстро поволок вон из кабинета, завёл на тёмную лестницу и, убедившись, что никого рядом нет, прошептал:

– Ты сам сумасшедший! Говорить об этом в кабинете – спятил, что ли? Давай излагай, но тихо.

– Да дело-то простое! Надо загонять танки в ямы, засыпать термитной смесью и поджигать. За один месяц их можно все расплавить, и я даже составлю технологию, чтобы сразу получались удобные для транспортировки слитки.

– А ты никому об этом не говорил? – с тревогой спросил Чесноков.

– Кроме тебя, никому.

– Слава Богу. И не говори.

– А почему?

– Без обид, Боб: ты, конечно, гений, мы все это знаем, но ты дурак. Это при совке экономика должна была быть экономной, а теперь она должна быть выгодной.

– Да о чём ты?

– Я тебе скажу, Боб. Как своему. Чтоб ты понял и не делал глупостей. А то мне будет тебя не хватать. Кое-кто – обойдётся без имён, знаешь ли – пилит на этой программе миллион в месяц.

– Танков?!!

– Долларов, бестолочь. И при утверждённой технологии программа продлится несколько лет. А теперь представь, что сделают мои коллеги с тобой, если ты полезешь не туда, куда надо, технологию изменят и программа сократится до одного месяца...

Вот интересный вопрос: за что платят зарплату генералу Чеснокову и его коллегам?

А ещё раньше был другой случай. Шилин, тогда молодой специалист, по ночам подрабатывал карщиком. Водил электрокар на складе крупного завода. И быстро обнаружил, что в этом механизме самое «тонкое место» – электроконтакт. Прогорает быстро, менять приходится ежедневно. Из-за этого содержание каров очень дорогое. И он придумал новый контакт: во-первых, дешёвый, во-вторых – со сроком службы в год.

Как же обрадовалось начальство! Директор выдал ему сорок рублей за рацуху¹. Бригадир поставил пузырь². Мастер заплатил сто рублей за левака³, попросив, чтобы Боб наклепал своих контактов для всех заводских каров. И очень быстро все кары перевели на новые контакты. А примерно через месяц Боб случайно увидел наряды на замену контактов, будто всё идёт по-старому! Бригадир их якобы ежедневно меняет, мастер списывает материальные ценности, директор даёт бухгалтерии распоряжение оплатить.

А Бобу дали, в общей сумме, сто сорок рублей и бутылку водки.

Хотя по тем временам сто сорок – это были большие деньги. Можно было купить холодильник. Или полтора ящика водки...

Он опять открыл глаза и посмотрел в окно автобуса: пора выходить. Встал, подхватил свой рюкзак, начал продираться к выходу. Впереди одна из бабок продолжала развлекать водителя:

– А ты, милоч, совсем, наверное, пропадёшь, когда твой маршрут закроют?

– Это вы все пропадёте. А я по-прежнему буду пассажиров возить. Только уже на своём «Жигуле»...

3

Во дворе, на скамеечке у крыльца деревенского тёщиного дома, что-то увлечённо обсуждали три женщины. Одна – молодуха, вторая постарше (похоже, её мать) и третья с видом окончательно заезженной жизнью домохозяйки среднего возраста. Сидели они, развернувшись лицами друг к другу, и Боб, двигаясь к ним от калитки, подивился стилю беседы. Они говорили одновременно все, беспрестанно кивая головами и повторяя: «Да-да-да» и «Точно-точно».

Увидев Боба, молодуха открыла рот, а её мамаша сказала:

– Во кто пришёл! Мужчина! Надо же!

– Что, красавчик, бросила тебя жена? – злорадно спросила заезженная жизнью. – А ты не гуляй.

¹ Рационализаторское предложение. В СССР оплачивалось из особых фондов.

² Бутылка со спиртным напитком, символ уважения; одновременно и материальный стимул к труду, и моральное поощрение.

³ «Левая» работа, не учитываемая ни в каких документах.

Он решил, что это кто-то из тётчиных соседок. Никогда он не мог их запомнить. Покоробило, конечно, что тётча обсуждает с посторонними его семейные дела, да ещё их перевирая, – сроду он не «гулял!» – но уж таковы деревенские правила.

– Люди сходятся и расходятся! – сказал он с улыбкой. – Всякое бывает...

– А развод уже оформили ай нет? – с живым интересом спросила мамаша.

– Нет ещё.

– Ну тогда поможет, – уверила его собеседница.

– Вот они такие, мужики, – пробурчала заезженная жизнью домохозяйка. – Наблудуют, а потом бегут к ясновидящей бабе Тоне. «Спаси, баба Тоня, моё счастье!» Раньше надо было думать, красавчик...

– Вы, мужчина, за нами будете, – заговорила молодухка. – Только перед нами ещё две женщины, они водички попить отошли...

«Вот это я вляпался», – подумал Боб. У него из головы вылетело, что его тётча – Антонина Николаевна Перепетуя, бывший бухгалтер, на старости лет (впрочем, какая уж это старость – пятьдесят годков, тем более ей даже сорока пяти никто не даёт) переквалифицировалась в народные целительницы. Публикует в газетах объявления «Верну мужа без греха» и ведёт приём граждан. Точнее, гражданок.

Из-за угла вывернул спаниель Брут и с весёлым лаем кинулся обнимать Бобу ноги. Вот ещё! Нельзя признавать его за свою собаку. А то эти ушибленные жизнью дуры допрут, что он тут живёт, что он – без пяти минут разведённый зять самой колдуньи бабы Тони, и сбегут с воплями, что баба Тоня мошенница, которая в своей-то семье порядка навести не может, а другим помогать берётся... После такого поступка тётча ему не то что курочку жареную, пирожка с капустой не подаст...

Но и не вставать же, в самом деле, в очередь!

– А я не спешу, – сказал он тётчиным клиентессам. – Я попозже приду.

И, почесав Брута за ушами, пошёл на улицу, а там свернул налево; судя по крикам «Собачку, собачку со двора свёл!», спаниель увязался за ним. Не обращая на крики внимания, Шилин прошагал метров тридцать и вместе с Брутом зашёл к соседу Василию. Как вошли на двор, Брут полез играть с местной кошкой, а Боб выпил с Василием стаканчик самогона, а потом задами пробрался в тётчин двор и отпер хозблок, в котором жил практически каждое лето. Здесь он уже расслабился, снял пиджак и потную рубаху. Отдохнув, начал вынимать из рюкзака вещи, самые для него сегодня важные: блокноты с расчётами, ноутбук и мономагнитные шары. За два последних дня он собрал ещё пять штук шаров, грохнув остатки денег, и теперь, с первым опытным образцом, у него их было шесть. Он собирался погонять шары на больших пространствах, пока ещё не очень понимая, как их закрепить на месте, чтобы они давали энергию, а не скакали туда-сюда.

Уже вечером к нему в хозблок пришла Антонина Николаевна: моложавая с полнотой, крашенная брюнетка. Хотя дочь её, Настёна, ушла от него к другому мужчине, тётча явно не желала расставаться с Бобом и даже требовала, чтобы он звал её по имени. А ему-то что: ну, звал. Можно было подумать, что она не прочь предложить себя в замену дочери. Но он эти подозрения гнал, находя её к нему расположению другое объяснение: она его любит за изобретательность. В самом деле, его генератор туманов, спасающий молодую яблочную завязь при весенних заморозках, был предметом зависти всех соседей, равно как и супертеплица, которая сама себя греет.

А вот «солнечный ящик», способный зимой нагревать воздух в помещениях хоть до 80°C без всяких источников питания, кроме самого солнца, имелся в домах всех соседей. Его конструкция была простой до безобразия, а материалы обходились в десятку. Боб однажды за неделю сделал этих ящиков столько, что хватило для всей деревни. И ни с кого денег не взял! Самое интересное, его бескорыстие тётча приняла на свой счёт.

Когда стемнело, они на веранде пили чай с яблочным пирогом. Говорили о том, о сём, потом Боб глянул на газету с объявлениями и спросил:

– Тонь, скажи, а тебе не стрёмно людей обманывать?

– Кого это я обманываю? – она кокетливо поиграла глазами.

– А вот это вот: «Верну мужа без греха». Как ты его вернёшь?

– Нет, – засмеялась она. – Там написано: «*Помогу* вернуть мужа без греха». Конечно, я не могу его вернуть. Возвращает сама женщина!

– Сама? А колдовство твоё, заговоры?

– Борька! – возмутилась тёща. – Ты же образованный человек! Какие заговоры? Если муж ушёл, значит, жена что-то не так делала. А мужчина, он такой, знаешь... Он ценит стабильность в семье. И он вернётся к привычному, если жена правильно изменит поведение. Я их учу, как себя вести. А ты – «заговоры»!

– А что такое «без греха»?

– О! Тут самая тонкость. Если он согрешил, и не со случайной какой-нибудь шалавой, а с такой женщиной, что нашёл себе с ней новую стабильность, то может и не вернуться. А если муж без греха – вернётся, никуда не денется!

4

Днём в субботу, пока тёща не позвала пить чай с пирогом, Боб мудрил в хозблоке: теоретически он уже знал, как поведёт себя его изобретение, эквиполь, при разных параметрах энергоподачи, но практического опыта не было. Ведь каждый мономагнитный шар, собака, уже при подаче на контакт одного ампера начинал сосать энергию из окружающего пространства, и ему (страшно подумать) была доступна вся энергия Вселенной. А по каким соотношениям он эту энергию берёт?.. Похоже, прав был Никодимыч: придётся рассчитывать константу. Тех расчётов, что сделал ему Стражестрахов, маловато будет.

Первый же шар, как только Боб попытался его дополнительно «подкормить» энергией, прошиб крышу холзблока и исчез неведомо куда. «Однако, не просочиться бы в канализацию», – проговорил Боб ритуальную фразу, глядя на круглую дыру в потолке. Терять шары очень накладно, он ведь собирает их вручную, да к тому же из деталей, сделанных на заказ. Стал-быть, придётся работать на сверхмалых токах. А пока нашёл кусок рубероида и полез на крышу. Кстати, интересно, почему шар уходит именно вверх?.. Ему ведь должно быть всё равно, куда двигаться?

В воскресенье поутру, испытывая на опушке в километре от деревни свои шарики с привязанными к ним, чтобы были видны с земли, яркими флажками, он сумел поймать момент неустойчивости. При силе тока и напряжении, не обеспечивающих ускорения больше, чем ускорение свободного падения, шар не будет подниматься, а если параметры выше, то будет подниматься не останавливаясь и даже увеличивая скорость подъёма. На практике, едва даёшь слишком большое напряжение, образец ускоряется рывком и просто исчезает. Так он к полудню потерял ещё два шара. Экая незадача!

Зато на сверхмалых, заранее рассчитанных по таблице Стражестрахова параметрах подачи энергии, всё тип-топ.

Боб вносил данные опыта в таблицы, когда из редколесья, открыв рот на задранной вверх голове, вышел сосед Василий. И шёл, возведя очи к небу, шёл с разинутым ртом, пока не наткнулся прямо на Боба.

– Вась, ты мне ноутбук потопчешь, – сказал ему Боб. Только тут Василий очнулся и опустил глаза:

– Приветик! А я думаю, кто там змеев в небо запускает? А это, оказывается, ты!

– Это, Вась, не змеи, а вот эти шарики. Видишь?

Василий посмотрел и скривился:

– Маленькие они у тебя. Невидные. Ты бы их надул побольше.

Боб яростно помотал головой:

– Они и без того такие мощные, что не могу остановить. Энергетически непредсказуемы... Их бы, я думаю, поменьше надо сделать, но пока не знаю, как. Может, потом удастся.

– Энергия! – уважительно сказал Василий. – Новый бизнес! А с виду мелкие... Ты ими что, грузы будешь таскать?

– Слушай, а я об этом не думал.

– А зачем же ты их сделал?

– Ну как... Интересно. Изучить законы природы. Они, Вась, магнитную энергию тянут из окружающей среды. Может, удастся её в электричество преобразовывать, в автомобили ставить вместо аккумуляторов. Как думаешь?

– Не, я не понимаю. Ежели они вверх тянут, то на кой они нужны в автомобиле? Ты летать, что ли, будешь на автомобиле? ГАИ с ума спятит. К ним лучше корзинку прицепить. Верняк дело! Вот у нас скоро автобус отменят. Организуй полёты в подвесной корзинке, озолотишься. Ты их чем надуваешь, если не секрет?..

– Слушай! – сказал Боб, и глаза его загорелись. – А в самом деле, почему нет?

– Чего нет? – не понял Вася.

– Может, и впрямь? – сиял Боб. – Классная идея!

– С тебя бутылка, – мгновенно среагировал сосед.

Боб его и слушал, и не слышал.

– Ага... – сказал он. – Вот, значит, как... Нет, Вась, бутылку не надо, а у тебя, я знаю, кошка есть?

– Обижает, сосед! У меня кот. И такой, доложу тебе, кот, что всем котам кот. Белкой зовут. Он у меня по весне...

– Белка?! Очень, очень кстати. А почему Белка?

– От белой горячки.

– Тащи его сюда.

– А за каким...?

– Запускать его будем.

– Борь, ты меня извини, у тебя самого собачонка есть совсем ничемушняя. Вот её и запускай. А у меня кот по весне едва не сдох, гад, нанюхавшись моей сивухи. И представь, сам себя вылечил! Нашёл такую травку – в один час выздоровел, как последняя сволочь. А я подглядел, теперь сам её завариваю и пью с бодуна. И чтоб я такого полезного кота на опыты отдал?..

– А кот твой, Белка этот, он тоже заваривал или так жрал?

– Да ну тебя!.. – и обиженный Василий ушёл.

А Шилин остался, ошеломлённый новой идеей. Почему нет, в самом деле?! Шар летает? Летает. Моща в нём охренительная? Вполне. Стал-быть, перспективы использовать его как транспортное средство, напрямую преобразуя генерируемую им энергию в механическую, есть? Очевидно есть. И что забавно, масса груза значения не имеет! Важна только масса мономагнита и мощность на катушках активатора.

Так зачем же мне придумывать, как получать с его помощью электричество, и отчего бы не отправить в полёт Брута?

«Оттого, что псина не сможет самостоятельно приземлиться, – ответил он сам себе. – И скажет мне мой верный Брут: «И ты, Цезарь?..» Или на верёвке его таскать?.. Но если с земли его полётом всё равно буду руководить я сам, то почему бы и не полетать самому?

Правда, управлять я могу только подъёмом от нуля до примерно тридцати метров, а также спуском, снижая подаваемое на контакт напряжение. Для этого достаточно маленького управляющего генератора. При маломощной батарее риска никакого нет, а что движениями

в стороны руководить нельзя, так и чёрт с ним. Для первого-то раза. Но вот как мне к нему прицепиться? Надо было ручку к нему приварить», – похихикал он.

Сидя на траве, обдумал схему. Потом побрёл в свой хозблок. Первоначально затеял полетать «верхом на палочке», но сразу долбанулся вниз головой и бросил эту затею. Потом решил для снижения риска использовать имеющиеся у него три шара при минимальных значениях подаваемого на каждый тока, закрепив их как-нибудь на теле...

И уже ближе к вечеру он, раскинув руки, парил над землёю. Два шара были закреплены на запястьях, третий на левой ноге. Правая из-за этого болталась, и он клал её на левую. В ладони он сжимал маленький управляющий генератор, чтобы в нужный момент снизить напряжение и спуститься.

Внизу от горизонта до горизонта – перелески, поля, окаймлённый ивняком серпантин реки, небольшие озёра, умильные деревья и кусты. Воздух настолько чистый и прозрачный, что виден каждый листочек. Птички посвистывают, пролетая мимо... А это что за «буль-буль»? А это родничок! Вон он, вон! Сверкнул и исчез...

И хотя в целом ощущения были странноватые: вроде того, что висишь на гимнастических кольцах в положении крестом, да ещё тебя слегка за них дергают, – он никак не мог согнать с лица идиотскую улыбку. Не иначе, от избытка кислорода. И мысли в голову лезли какие-то идиотские. Про Винни-Пуха на воздушном шаре. Оса ему в штаны... Или это из другого мультика?.. Он опять захихикал и тут же придавил это хихиканье: услышат же! При всей кажущейся безлюдности народу здесь бродит немало: грибники, дачники, рыбаки... Помимо свиристения птиц, журчания воды, шелеста листьев слышались отовсюду невнятные голоса... А он летит совершенно беззвучно!

На самом деле он, конечно, не летел, а висел в воздухе, и его несло куда-то вместе со всей атмосферой. Боб покосился наверх, там облака перемещались куда быстрее, чем он. Поёжился: он не хотел бы лететь с такой скоростью. Опять глянул вниз: а это что за раскоряченные фигуры?.. А-а, грибники в согнутом виде. Хе-хе... Старушка и... и... неизвестно кто. Ребёнок, наверное. А интересно, что они подумали бы, если бы посмотрели вверх? Он им, пожалуй, показался бы ещё более нелепым, чем они – ему!

Позже он проверил по часам: полёт его длился только две минуты, терпеть дольше не было никаких сил.

5

Утром Боб укладывал вещички, собираясь в Москву. Надо съездить на Рябиновую улицу, чтобы разобраться с Муршудом, а потом забежать в институт и обсчитать всё-таки передачу тепла по толщине этих чёртовых сковородок. Деньги нужны невыносимо; за сплав, которым он экранировал свои шарики, завхоз НИИ спецсплавов брал безумную цену.

В его обиталище заглянула теща.

– Борь, ты когда теперь приедешь?

– Точно не знаю. Может, в четверг вырвусь. И поживу здесь с недельку. Тоня, ты поверь: мне сюда тащиться ради полутора дней совсем неинтересно.

Она замялась:

– Я тебя попросить хочу. Привези мне Ace Combat последний. Я денег дам.

– Привезу, чего не привезти, – вздохнул он. Её страсть ко всяким компьютерным леталкам-стрелялкам была неодолимой. – Давай уж сразу весь список. Чего ты его в руках мнёшь?

– Ух ты, какой глазастый, – засмеялась она, протягивая ему бумагу и перехваченную резинкой пачечку денег. – Настьку там увидишь?

– Вряд ли.

– Ну тогда позвони ей. Скажи, она мать совсем забыла.

– Да говорил уже.

– Ещё скажи.

– Слушай, у тебя же есть мобильный! Позвони сама.

– Во-первых, не родительское это дело взрослым детям о своём существовании напоминать. Во-вторых, мобильный-то есть, а терминала, чтобы заплатить, нет. Я, кстати, забыла в список-то вписать... Положи на счёт сразу побольше.

Он огляделся: не забыл ли чего? – застегнул клапаны рюкзака.

– А ты сам почему себе мобильный не купишь? – спросила тёща. – Денег нет? Так ты скажи, я тебе подарю.

– Спасибо, не надо. Не нужен мне лишний источник возмущений. Я же с электроникой работаю, – и он направился к двери. Антонина Николаевна посторонилась, пропуская его, напоследок оглядела помещение и вдруг тревожно воскликнула:

– А это что ещё за дырища в потолке?!

– Где?

– А вот, вот, – потыкала она пальцем.

– Ах, это!

Она выбежала во двор, глянула на крышу, увидела свежую заплатку:

– Что ж ты делаешь, зятьёк! Метеориты в мой дом приманиваешь?! Ты это брось, ты создавай проблемы своему Институту космических проблем, а здесь веди себя тихо! Спалишь всю деревню, думаешь, люди тебе спасибо скажут?

– Да ерунда, я же всё заделал! – он приобнял её за плечи. – Клянусь, эксперимент был совершенно безопасный.

– Как же! Безопасный!

– Верняк! А людям со временем будет большая польза...

Позже, по дороге к автобусу, он сам себе удивлялся: чего это его на лозунги потянуло? «Польза людям!» Сколько он их наблюдал, люди в основном довольно-таки гнусные типы. Так и норовят любое изобретение применить к стрельбе, и мономагнитные шарики просто дадут им лишний повод популять по врагам своим. А в них сокрыта энергия всей Вселенной! Ай да польза будет людям.

Размышлял он об этом, пока ехал в набитом под самую завязку скрипучем автобусе. Потом, пока стоял в очереди за билетами на электричку в Кашире, и даже в пыли народной забавы «захвати себе сидячее место». Только устроившись у окна вагона, Боб, щурясь от солнца, бьющего с востока, сумел выгнать из головы мысли про тяжёлую судьбу человечества и задумался о проблемах насущных. Вчерашние эксперименты, конечно, кое-что принесли. Но – мало, мало! Теория энергообмена не прорисовывалась. Надо накапливать массив данных, надо делать расчёты, и не на жалкой персоналке, а на серьёзной машине. Или искать новый принцип управления эквиполем, то есть опять же формулировать теорию!

А что до развлечений, вроде полёта... Так это, если подумать, и не полёт, а вроде прыжка с зависанием. Хотя... Ощущения-я-я! Но даже подобные аттракционы требуют отработки управления, а как это сделать без теории?

И посоветоваться не с кем... Или украдут идею, или «настучат» куда не надо... Хотя почему – посоветоваться не с кем?! А Лавр Фёдорович Гроховецкий? Он уже настолько стар, что... «Ой, как неудобно: я забыл позвонить ему на прошлые Октябрьские, то есть в день „примирения и согласия“, – подумал Боб. – И на Рождество не позвонил...»

Глава третья

1

Из подъезда офисного здания, что на улице Советской, наискось от костёла святых Симеона и Елены, вышла молодая черноволосая женщина. Она с явным удовольствием огляделась по сторонам. Да, ей нравился этот город, Минск, и созданный ею здесь «Фонд поддержки науки и образования» тоже получился вполне успешным. Оставалось докупить технику, чтобы не только завезти в этот «Фонд», но и передать в ещё один, который она открыла в Чернигове. А самой пора навсегда попрощаться с Минском. Как это говорится по-русски, иногда надо «заметать следы». А здесь она за себя оставит надёжного человека.

Это была сеньора Камилла Гомес, испанская меценатка.

Никому не надо объяснять, как относятся к европейским доброхотам в Минске. Настороженно относятся. Сеньора Гомес прекрасно об этом была осведомлена и даже одобряла. В самом деле: приедет эдакий господинчик, а потом или на шпионит, как последний гад, или организует подпольное обучение «оппозиционеров». Ха, смешно! Что же это за политическая оппозиция, если её надо обучать, чего она, оппозиция, должна требовать от законной власти, дабы понравиться западным учителям? Это же просто вражеская агентура, а не оппозиция.

Но за нею, за сеньорой Гомес, белорусский КГБ никаких грешков не нашёл. Она в самом деле поддерживала отдельных изобретателей и даже научные институты: помогала оформлять патенты, добывала научную литературу и необходимую технику, которую без неё вряд ли бы удалось приобрести. И не требовала взамен никаких подозрительных услуг или денег. Весь штат её «Фонда» составляли местные уроженцы, и по их сообщениям, политической пропаганды в офисе не велось. Наоборот: она однажды устроила выволочку менеджеру, который подписал один из подшефных институтов не только на два английских и одно американское научное издание, но и, по просьбе директора, на общеполитическую американскую газету. «Мы не занимаемся политикой», – втолковывала она ему.

Разведка, проведённая в Испании и других странах, тоже не выявила на неё никакого компромата. Ни в одном западном спецведомстве такой сеньоры не обнаружилось, а из гражданских никто не мог сказать про неё худого слова. Впрочем, про неё вообще мало кто мог сказать хоть слово: у Камиллы Гомес будто бы не было биографии! Это как раз и настораживало, и КГБ Белоруссии продолжал за ней приглядывать, занося в базу данных всякие мелочи. Вроде таких: испанка понимала русский язык и не скрывала этого, а её муж Айвен (что, между прочим, значит просто Иван), дважды приезжавший погостить, говорил только по-испански, скрывая, что понимает русскую речь. Но прокололся в такси, «подставленном» ему в аэропорту: отсчитал сумму, названную по-русски.

Ох, и странную же парочку представляли собой Камилла и Айвен!.. Но поскольку они не делали ничего во вред государственной безопасности, постольку их никто и не трогал.

Конечно, если бы чекисты дали себе труд поискать донну Камиллу не среди живых, а среди погибших, и проверили бы не досье сотрудников западных спецслужб, а файлы на тех, с кем эти спецслужбы ведут войну, то смогли бы обнаружить немало интересного!

Они узнали бы, что оная сеньора не только никакая не меценатка, но даже не Гомес, и совсем не испанка. Родилась она в Латинской Америке, сменила немало имён и входила в руководство наиболее радикальных «левых» партий нескольких стран, возглавляя террористические отряды. И... была уничтожена взрывом реактивного снаряда, да так капитально, что даже её останков на целый труп не собирали на площади в целый квадратный километр.

Короче, большие открытия ожидали бы белорусское КГБ, если бы разведчики поглубже копнули прошлое «испанской меценатки».

Но они этого не сделали.

2

В Москве много разных районов: «спальные» и «зелёные», «промзоны» и «деловые центры», улочки злачные, переполненные казино и пивными, и переулочки мрачные... Имеется и «складская зона» столицы. Базы, гаражи, ангары, оптовая торговля, кустарный ремонт чего угодно, транспортные фирмы «куда изволите», артели грузчиков... Целый мир, о котором мало чего знают москвичи и гости столицы.

Сюда – в загадочный лабиринт серых стен и ржавых дверей, к складам недалече от угла улицы Рябиновой и Товарного проезда, приехал Боб Шилин. Здесь находилась фирма Муршуда Газиева.

Как всегда, в голове изобретателя помимо его прямого внимания крутились мысли на самые разные темы. А Боб лишь время от времени выхватывал то одну, то другую, вникал: на какой там стадии решение? – и опять уходил в тот слой сознания, который анализировал произошедший неделей раньше разговор с Настёной. Она опять звонила и опять несла свою всегдашнюю ахинею. Бесила его эта ситуация.

«Надо было ей сказать, – придумывал он, – что хотя квартира приобретена в браке, но деньги на её покупку были получены до брака. Я тот аванс от американцев получил за месяц до похода с нею в ЗАГС. Так что никакой она квартиры не получит. У неё и так много чего есть, о чём я даже не знаю и о чём она ни на каком суде по разделу имущества не скажет. А эти американцы идиоты. Если бы не кинули меня, я бы им передал технологию изготовления пластика со свойствами титана, только легче. А какого чёрта я не использовал его, когда делал свои шарики? А такого чёрта, что не на что приобрести редкоземельные... С другой стороны, я с того аванса налогов государству не платил, и если сейчас на суде признаться, то возьмут меня за хобот, а квартиру всё равно отнимут...»

Вот почему – из-за отвлечения внимания на обдумывание всякой чепухи – не заметил Боб, что улица непривычно пустынна. Как повымело всех. Не слышно гортанных выкриков потных грузчиков и весёлого матерка водителей, не видно складских начальников в их вечно мятых брюках...

На двери Муршудовой фирмы не было ни звонка, ни глазка, зато кривая скоба, заменявшая дверную ручку, держалась только на верхнем шурупе. Боб взялся за эту скобу и постучал в обитую железом дверь нижним её концом. Дверь тут же распахнулась, он сделал шаг вперёд, а сделать второй шаг ему уже помогли два дюжих мблодца: подхватили с двух сторон, завернули умелые ручки за спину, обшмонали, заглянув даже в пустую холщовую сумку, а потом едва не пинком отправили дальше, в собственно офис.

Пролетая в полугоризонтальном положении над порогом, Боб успел подумать: «Ну совсем обалдел Муршуд, боится меня, что ли?..» Но тут его подхватили мблодцы ещё здоровее («В камуфляже!» – удивился Боб), развернули, подняли за локти и крепко всадили задом в стул, стоявший посреди комнаты. И он прямо перед собой увидел гладкую, толстую и смуглую, но в то же время очень бледную рожу компаньона: тот сидел за столом, а с двух сторон его подпирала двое плечистых с автоматами.

При виде Боба бледность покинула лицо Муршуда, глазки его загорелись, а губы, похоже, сами собою растянулись в улыбке.

– Вот он! – закричал Муршуд. – Он здесь началник, нэ я! Он прыщёл, да? Меня отпустите, его берите! Я вообще нэ мэстный! Он тут живёт, я тут нэ живу!

В секунду все лишние мысли из головы Боба сбежали, и он принялся обдумывать самую главную: как отсюда уйти?

Сбоку выдвинулся молодой высокий мужчина с хищным из-за шрама, пересекающего левую бровь и нос, профилем. Он наклонился, всмотрелся в лицо Боба, потом перевёл взгляд на Муршуда и с недоверием спросил:

– Этот?

– Он, он, гражданин следовател, мамой клянусь.

Следователь посмотрел на обвислый пиджак инженера, на пыльные разношенные санда-
леты, на холщовую сумку, нехорошо усмехнулся, опять остро глянул на Муршуда:

– Да ведь ты, скотина, показал на первого вошедшего!

И неожиданно заорал:

– Ты правду будешь говорить, обезьяна?!

– Мамой клянусь! – взвизгнул Муршуд. – Его Боб Шилин зовут, он в касмический инсти-
тут работает, он всё и придумал!

И крикнул, обращаясь к Бобу:

– Космонавт! За всё ответишь!

Двое, что подпирали его с боков, засмеялись.

– Да уж, космонавт, – сказал один из них. – По скафандру судя, высоко летает.

Следователь велел им увести Муршуда в левую дверь (в склад, понял Боб) и приглашать
по одному «этих чёртовых нелегалов». Из двери справа (из цеха) потянулась вереница смуглых
носатых мужчин. Боб никого из них опознать бы не смог, они все для него были на одно лицо.
Но и его никто не признал; пожалуй, они не сумели бы даже различить его со следователем,
тем более что глаз не поднимали и по-русски не понимали ни бельмеса. И только последний
Боба признал:

– А-а-а, я этот знаю, это кыторый кы нам прыходыл дэньги трэбоват! – прокаркал он
и добавил: – У, пыроклятый рэкетир...

Следователь махнул на него рукой и, представившись Владимиром Степановичем, повёл
с «космонавтом-рэкетиром» задушевную беседу: кто таков, и есть ли документы (и тут же
передал его паспорт сотруднику, который добросовестно все Бобовы данные оттуда выписал),
и откуда его знает Муршуд, и знает ли он сам «этого человека».

– Видел его здесь, – пожал плечами Шилин. – Даже разговаривали как-то.

– А зачем вы сюда ходите? Учёный, сотрудник космического института... И вдруг...

– Спирт беру. Нам раньше выдавали, а теперь сложности. А здесь дешёво.

– Вы, простите, на алкоголика не похожи.

– А мне для работы надо, – с безмятежностью на челе ответил ему Боб. – Линзы в теле-
скопах протирать.

– Телескопы! – уважительно сказал следователь. – Только, Борис Дмитриевич, то, что
они здесь производили, назвать спиртом нельзя. Как вы это объясните?

– Неужели разбавляют?! Вот мерзавцы. А я зимой брал, хороший был продукт...

3

Ничего нет на свете хуже посредника. В семейных делах – спаси нас, Бог, от доброхо-
тов, желающих помочь и примирить. В торговле и вообще в экономике посредник – самый
зловредный элемент. В технике – самое ненадёжное звено. В общем, повсюду. И в то же время
без передаточных механизмов не обойтись. Главное, избавиться от *излишних* передаточных
звеньев...

Об этом размышлял Боб Шилин, поднимаясь из метро, а потом двигаясь бодрым шагом
в сторону своего родного института. Обгоняя пару – молодая женщина с сумками и девочка лет
десяти-двенадцати, – невольно прислушался к разговору. Девочка, неумело переставляя ноги
с надетыми на них новенькими роликами, тараторила, обращаясь к устало идущей рядом маме:

– Папа мне подарок передал, ты мне подарок купила, а теперь ты дай мне денег. Ведь
я же должна сама себе чего-нибудь подарить на мой день рождения!

Боб удивился, сделал ещё три быстрых шага, остановился и развернулся к ним. Когда, обнаружив на пути своё препятствие, остановилась и девочка, он улыбнулся ей доброю улыбкой (чтобы не напугать ребёнка) и сказал:

– Милая девочка! В день своего рождения полагается делать подарки родной мамочке.

И благодарить её, благодарить...

– Как это? – пискнула девочка. – Ведь это *мой* день рождения!

– Поздравляю! – и Боб посмотрел на мамашу.

– Здравствуйте, – сказала та.

– Добрый день. С новорожденной вас.

– Нет, сегодня все подарочки мне! – ныла девочка.

– Эгоисткой растёт наша новорожденная, – пожаловалась мать.

– Воспитанием всё можно исправить, – дипломатично сказал Боб, чертыхаясь про себя: сам влез в чужие отношения, как посредник. Ну куда это годится?

– А вы Шилин Б. Д.? – спросила мамаша.

Боб удивился:

– А откуда вы знаете?..

– Так ведь мы вместе работаем, – и она показала рукой на внушительное здание Института космических проблем. – Я Лида из патентной библиотеки. У нас там папки с вашими изобретениями. А живу вон там, рядом, на улице Введенского.

– Ну да, конечно Лида! – совершенно не помнил Боб этой Лиды. – Просто я вас против солнца не узнал.

– А что такое Б.Д.? – спросила она.

– Боб Дмитрич. То есть Борис. А вы сегодня выходная?

– Да, отпросилась. За подарками к её отцу ездили.

– Боб – это фасоль? – спросила девочка. – А почему мамочку надо благодарить?

– Потому что если бы не мамочка, тебя бы на свете не было.

– Как?! – и дочь в полном изумлении повернулась к матери: – Правда, что ли?!

– Вы извините, мне сейчас в институт надо срочно, – сказал Боб.

– Ах, ну да, конечно...

После неудачного визита в спиртогонную фирму Муршуда Боб всерьёз обеспокоился своими финансами. В институте ему платили бюджетных три тысячи в месяц, хватало только-только, чтобы расплатиться за квартиру, свет и телефон. Жил он в основном на доходы от парочки изобретений, да на заработки от коммерческих работ, которые ему подбрасывал от щедрот своих Никодимыч. А он благодетеля подвёл, не рассчитал ему теплопроводность сковороды. И теперь кроме суммы, выданной ему тещей на покупки, у него денег было буквально «чтобы с голоду не сдохнуть». Ну, на недельку. Или побольше, если опять заволынить с квартплатой.

На доработку эквиполя денег не было.

Поэтому и бежал он сейчас в институт. Чтобы забрать сковородошные бумажки и наконец-то с ними поработать.

И забрал он эти бумаги, и поговорил со Стражестраховым, и даже заглянул на огонёк к Алику. Алик хвастался, потрясая свежим номером «World's geography», где была его статья о достижениях российской космической биологии. Боб ухмыльнулся:

– У нас, физиков, тоже есть кое-какие достижения...

– Кстати! – воскликнул Алик, порывшись среди хлама на столе и протянул Шилину криво оборванный клочок бумаги. – Вот, возьми.

– Что это?

– Е-мэйл Копперфилда. Я же тебе обещал...

Глава четвёртая

1

Юноша лет двадцати, рост метр семьдесят два, худощавый, брюнет, глаза чёрные, без особых примет, одетый, как скромный клерк, вошёл в семиэтажное здание с громадной вывеской ТВС на крыше. Название означало «Тюркиш Билдинг Консалтинг». Он здесь работал. Но если бы кому-либо пришло в голову спросить сотрудников этой крупной стамбульской холдинговой компании, что за работу выполняет у них юноша без особых примет, пожалуй, никто не смог бы ответить. Впрочем, что в этом удивительного? Компания большая, чем она только ни занимается: строительные подряды и консультирование, офисный дизайн, продажа стройматериалов и даже доставка мебели...

Да, здешний отдел кадров в своё время оформил юношу на работу. И действительно, бухгалтерия начисляла ему зарплату, а профсоюз приглашал на собрания трудящихся. И был у него пропуск, на котором одновременно присутствовали название ТВС и его фотография. А ещё на пропуске была напечатана фамилия – Ахмед Беджи, но была ли она его фамилией?.. Один Аллах знает обо всём, а людям это не дано.

Тайна, будоражившая его, придававшая весу в собственных глазах, была в том, что прежде чем он попал на работу в ТВС, совсем другая Организация пригласила его, направила на учёбу, а теперь следила за его безопасностью, взамен требуя всего лишь неурочной работы на благо курдского народа. И эта же Организация через подставных лиц владела контрольным пакетом акций самой ТВС. Ахмеду Беджи, юноше без особых примет, название Организации было известно – впрочем, оно было отлично известно всему миру, – и он вполне разделял её устремления. Но даже в уме своём он называл её просто: Организация. Да и зачем зря трещать языком? Не случайно сказано: занимайся порученным тебе и будь скромным.

В его родной деревне уклад жизни не менялся никогда. Тётка рассказывала так. Мужчина сначала был мальчиком и рос вместе с девочками, осваивая правила *простой жизни*, быта и гигиены. Потом он становился подростком, и его отделяли от девочек; теперь он осваивал *мужские умения*, учился ухаживать за скотом и работать с инструментами. Когда он становился юношей, его учили *сложной жизни*: как устроен мир и общество. Короче, объясняли, что слушаться надо старейшину и муллу.

В конце процесса его опять сводили с девочками, и мужчина женился. Достаточно скоро его жена рожала новых маленьких мальчиков и девочек, и дальше с ними проделывали то же самое, что и прежде с их родителями. Жена обучала мальчиков и девочек *простой жизни*, муж передавал сыновьям *мужские умения*, а потом старейшина и мулла объясняли выросшим детям правила *сложной жизни*. И никогда никаких неясностей.

Тётка, качая головой и сокрушаясь о переменах, рассказывала ему всё это задолго до того, как он стал носить в кармане пропуск с именем Ахмеда Беджи. В те времена он не понимал, о каких переменах она говорит. Ему происходившее вокруг казалось нормальным. Как раз в те дни в их деревню впервые стали завозить газеты, а в доме дедушки Мустафы поставили телевизор. И тогда же у них впервые за все времена появился человек, взявшийся учить детей (в том числе девочек!) грамоте.

Человек этот был турком, и то, что ему разрешили жить в их деревне, да ещё и кормили за его работу, само по себе было неслыханным новшеством. Разумеется, никаких методик у него не было, разделения на предметы тоже; он выкладывал им всё, что знал – а знал, по их понятиям, чудовищно много, и им было интересно.

Курдский язык – курманджи – их учитель понимал с пятого на десятое, и кончилось тем, что они заговорили на турецком. А заодно он их научил весьма своеобразному английскому

языку, и Ахмеду Беджи – то есть когда он стал Ахмедом Беджи – пришлось довольно долго переучиваться.

Помимо прочего, учитель преподавал им элементарную арифметику и уже переходил к алгебре, а также пообещал, что научит их писать стихи, но тут приехали турецкие полицейские и увезли его неведомо куда, поскольку премудрейший педагог оказался крупным грабителем, которого несколько лет безуспешно ловили полиции всех стран Ближнего Востока. А он отсиживался в их деревне! Кто его выдал, осталось загадкой.

Отравленный страстью к учёбе, Ахмед Беджи стал интуитивно искать себе интеллектуальных занятий. А кто ищет, тот найдёт! Нашёл и он: его находкой стал компьютер, завезённый в их глухомань «Врачами без границ» в связи с не очень сильным землетрясением и брошенный тут по неизвестной причине. Ахмед приручил его – будь здоров как приручил! Без посторонней помощи освоил компьютерную грамотность. А ведь никто не снимал с него обязанности осваивать ещё и *мужские умения*.

Однажды через их места проезжал с вооружённым отрядом вождь курдского народа Оджалан, и разговоров хватило потом на полгода. Тогда зародилась впервые в голове Ахмеда Беджи мечта об уходе из деревни, об участии в какой-то другой, не такой тупой, как у них, жизни. Борьба за что-то! Или борьба против чего-то!

Представления об окружающем мире он имел дичайшие. Да и могло ли быть иначе? Мулла рассказывал, что белые люди извратили учение Аллаха и их следует покарать. Учитель-турок учил, что богатые наживаются на бедных, и их надо покарать. Про Оджалана говорили, что он борется за свободу: англичане, русские, турки и иракцы не дали курдам свободы, и покарать их нужно непременно. А проверить слова ни одного из них – невозможно: мулла ссылается на Коран, исписанный арабской вязью, которой сам мулла не понимает, учитель оказался грабителем, а вождь народа Оджалан вёл себя так, будто ему до народа нет никакого дела.

Лишь когда Организация послала его на учёбу, Ахмед немного пополнил свои знания. Там ведь учили не только хакерству и сетевому администрированию. Что-то объяснили, до чего-то дошёл своим умом. Например, ему казалось, что член такой серьёзной Организации обязан быть истово верующим (кстати, ошибся: всем было всё равно, лишь бы соблюдал обряды и не богохульствовал), и он самостоятельно приналег на изучение Корана. Откопал в Интернете несколько переводов Книги на турецкий и курманджи, попытался освоить арабский, попутно выяснил, что такое Евангелия, которые придумали белые для насмешки над Аллахом.

Он постигал Аллаха не душой, а разумом, и через два года мог бы в богословском споре заткнуть за пояс любого, но если бы кто сказал ему, что из него получился заправский религиозный начётчик, не понял бы, о чём толк. По его представлениям, то, во что он превратился, и было настоящим мусульманином...

Юноша вошёл в здание ТВС и поднялся на свой этаж. Двое из ночной смены встретили его радостными криками. Налили кофе. Поделились французским анекдотом, почерпнутым из Сети: если муж приходит домой, он должен позвонить в дверь, чтобы любовник жены успел одеться. Посмеялись... Потом пришли остальные сотрудники дневной смены, ночные дежурные ушли. Пришедшие, в том числе Ахмед, занялись своей работой. Что это была за работа? Простому человеку объяснить невозможно, а если бы кто всё же поинтересовался, Ахмед бы ответил, что сначала протёр ветошью межсетевой экран, а потом смазал маслом дистрибутивы, чтобы не скрипели на ходу. Какая, в конце концов, разница? Всё равно кто не знает, не поймёт.

Лишь в краткие минуты обеда он опять вернулся мыслями ко вчерашним событиям. А произошло вот что: на его мобильный неожиданно позвонила тётка и сказала, что она уже в Стамбуле. Он просто не знал, что делать. Она звонила неделей раньше, и он ответил, что приезжать не надо. Что он сам приедет, когда сможет. Но она потащила в такую даль, и вот приехала. Что ему было делать?

С одной стороны, он не был обязан скрывать, где живёт. Он не боевик, а просто системный администратор, в свободное от легальной работы время выполняющий задания Организации. Но вот что он работает на Организацию, скрывать следовало. А в его деревне все знали! Пусть не он сам разболтал об этом, а дедушка Мустафа после встречи с серьёзными людьми, ездившими по деревням в поисках кадров для Организации. Хоть они и спросили о нём мимоходом, но ведь спросили. А дедушка Мустафа ужас какой умный...

Поэтому Ахмед Беджи не любил, когда кто-то из односельчан приезжал к нему. Мало ли, ляпнут ненароком не там, где надо, и не то, что можно. Или назовут его при тех, кто знает его по *этой* жизни, старым именем. Тётка ведь не знает, что он теперь Ахмед Беджи.

С другой стороны, тётка есть тётка. Самая близкая в роду. Только через неё он получает весточки с родины, узнаёт, кто и как. И возраст у неё, и здоровье не те, чтобы откладывать встречи «на потом»... И он поехал на вокзал, а она была там не одна, а с дядей Мамедом, и пришлось придумывать, где бы посидеть незаметно...

И тут оказалось, что дядя Мамед теперь старейшина, потому что дедушка Мустафа умер! И ещё семеро умерли!

Он вспомнил слова тётки: «Просьбу старших надо уважать, сынок. Помни, ты курд!» Но что за бредятину придумал дядька Мамед?! Ехать в Москву, чтобы убить там какого-то русского. Будто у него без этого мало забот. Будто он умеет убивать. Они думают, раз он член Организации, то наверняка боевик и ему всё равно куда ехать и кого убить. Какой поверхностный взгляд! Эти наивные люди ничего не понимают в политике. «Их было два негодяя, Муршуд и Ши-линь, – сказал дядя Мамед. – Одного убьёт Саид, внук Мустафы. А наша семья поклялась убить Ши-линя».

«Ши-линь? Это китаец какой-то, а не русский», – возразил ему Ахмед. А тётушка ответила, что русский или китаец, это всё равно. Он сделал ядовитую водку и должен умереть. Ахмед возмутился: «А зачем вы пьёте водку? Раньше никто не пил, а я и теперь не пью. И жив-здоров». А тётушка шлёпнула его ладошкой по губам: «Как ты смеешь судить старших?» А дядя Мамед спросил, не забыл ли племянничек Коран. Ахмед немедленно процитировал по памяти Суру 29:4: «Неужели те, которые совершают злые деяния, полагают, что они избегнут наказания? Скверно же они судят!»

Не стоило встречаться с тёткой. Сказал бы, что он теперь не в Стамбуле, и всё. Обманул бы её, многие годы заменявшую ему маму и папу, погибших, когда турецкая армия «зачищала» их район. Заставил бы старуху, сокрушённо качая головой, ни с чем ехать обратно через всю Турцию...

Однако что теперь всё-таки делать? Самым правильным было бы подняться на лифте на седьмой этаж ТВС, а там пешочком ещё на два лестничных пролёта выше и тихонечко поскрестись в дверь с табличкой «Вспомогательная служба». И ожидая, пока впустят, усмехнуться карандашной приписке внизу таблички: «Уборка крыш». Только причастные к их общему делу могли бы оценить чёрный юмор этой приписки.

А потом? Когда откроется дверь и сидящие там трое здоровяков в рабочих куртках, бросив игру в нарды, весело спросят, что ему надо, и, услышав пароль, откатят в сторону стену, и он окажется в коридоре восьмого, скрытого от глаз посторонних этажа... Когда один из них доведёт его до кабинета Куратора... Когда Куратор, после вежливых вопросов о здоровье вопросительно замолкнет, ожидая объяснений...

Неужели рассказать, что его тётка и все его дядьки в горной деревушке знают о его работе на Организацию? И попросить, чтобы они там как-нибудь съездили в Москву и убили этого русского? Нет, так делать нельзя. Ведь это кровная месть! Только член семьи может покарать кровника.

Придётся положиться на волю Аллаха.

2

Лавр Фёдорович Гроховецкий родился аккурат в тот день, когда Советы, ведомые большевиками, захватили власть в Петрограде и свергли Временное правительство. Его отец, князь Фёдор Станиславович, этого переворота не принял. Не то что он вообще отвергал перевороты, как инструмент политики, нет. Ни Керенский, ни быстро сменявшиеся министры его правительства не были князю Фёдору симпатичны, и он сам участвовал в попытке переворота, предпринятой Л. Г. Корниловым в августе того же 1917 года. Он смирился бы даже с властью Советов. Но вот именно большевики были ему почему-то особенно противны!

Ожидая, что так же, как в августе большевики разгромили Лавра Корнилова, так теперь Корнилов возглавит разгром путча, совершённого Троцким и Лениным, князь Фёдор дал новорожденному сыну имя Лавр. Но – не сбылись надежды. Корнилов не стал победителем большевиков, а князю Фёдору не довелось стать воспитателем сына, поскольку погиб он под Екатеринодаром одновременно со своим кумиром, генералом Корниловым. Его вдова, Елена, осталась в Петрограде с младенцем на руках и без средств к существованию. В конце 1919 года она очень надеялась, что город освободит «дядя Коля» – генерал Юденич со своей армией, наступавший из Эстонии. Когда и эти мечты пошли прахом, она бросила город и уехала с маленьким Лавриком под Тверь, в деревню, где жил дальний родственник, князь Юрьев; он стал крёстным отцом мальчика.

Однако спрятаться не удалось и тут. Новая власть реквизировала дом князя под свои нужды, а беззлобного богобоязненного старика оходили палками. Он ушёл от жестокого мира и постригся в монахи Старицкого Успенского монастыря, и сюда же, в библиотеку, основанную двадцатью годами раньше попечительством монастыря, устроилась работать Елена. Когда пришёл черёд религии и под грохот падающих на землю колоколов к небу потянулись клубы дыма, несущие с собою обгоревшие страницы божественных книг, она бежала вместе с четырёхлетним сыном в Москву.

Здесь был другой мир. Здесь те же самые, казалось бы, большевики вели «поход на неграмотность»! Сельскую библиотечаршу из Старицы мигом назначили заведующей библиотекой имени многократно страдавшего от царизма товарища Достоевского и дали ей с ребёнком комнату в том же доме на Чистых прудах, в квартире попавшей под уплотнение семьи паразита-дворянина графа Апраксина. Разумеется, о своём княжеском происхождении Гроховецкая никому не сказала ни слова, а Лавр, не по малолетству развитой, тоже помалкивал.

Дальше он жил, как все «дети совслужащих». Учился в школе, был принят в пионеры, а потом в комсомол. Увлёкся живописью и зодчеством, на общественных началах работал в творческой группе архитектора Щусева. Вдруг – а впрочем, почему «вдруг»? так и положено молодому человеку! – начал метаться. Разом занялся историей средневековья, физикой, в которой особенно желал постичь природу времени, и физиологией, а именно экспериментальной психологией.

Правда, на историческом факультете МГУ Лавр Гроховецкий задержался ненадолго: затеял бешеный спор с профессором Лурье, доказывая, что всю историю им преподают неправильно, что всё было не так. И это бы ладно, в те времена чем больше отринешь «старого», тем было лучше, но вот когда молодой студент заявил, что нет никакой борьбы классов, и доказал до чистого идеализма, утверждая, что «всё едино суть», – его, конечно, отчислили.

Зато в других науках, за два года окончив два факультета, он преуспел. В политику не лез, но ритуальные мероприятия, вроде политинформаций, посещал исправно. Репрессии 1930-х обошли его стороной, хоть и пытались ему «пришить» участие в какой-то белогвардейской группе на том только основании, что сгинувший неведомо куда чуть не двадцать лет тому назад граф Апраксин был отцом его жены, Анжелики. Но дело кончилось ничем: умел он в разговоре *правильно* воздействовать на людей – а следователи НКВД, как ни крути, тоже люди.

А однажды, в 1938 году, генеральный прокурор А. Я. Вышинский лично приглашал его поучаствовать в психиатрической экспертизе одного особо изошрённого вредителя.

В лагерь он попал уже в начале Великой Отечественной войны. Но это был не совсем лагерь, а НИИ за колючей проволокой. Кого здесь только не было! Оптике, акустике, радиофизике, даже специалисты по таким экзотическим научным направлениям, как ядерная физика. Между собою они не общались, каждый занимался своим делом – секретность была абсолютная. Тем более никто не знал, чем занимается Гроховецкий: его работу курировал лично Л. П. Берия, а условия жизни учёного были просто сказочные. В их шарашке бродила «утка», будто Лавр Фёдорович на работе спит, потом записывает свои сновидения, а его тёзка Лаврентий Павлович не только внимательно эту белиберду читает, но и возит для изучения в Кремль, самому товарищу Сталину.

Враньё, конечно, но чем они с Берией на самом деле занимались, Гроховецкий так никогда никому и не сказал.

С начала 1950-х он читал в МГУ курс логики, а когда после разоблачения врага народа Берии логику вычеркнули из списка университетских дисциплин, уехал работать в Новосибирск. Оставаться в Москве было невозможно: коллеги относились к нему чуть ли не как к пособнику кровавого палача.

В Москву он вернулся в 1957-м, и занимался очень широким кругом тем. В 1979-м его избрали членом Академии наук по отделению физики. Но постепенно его авторитет, в какое-то время просто громадный, начал падать. Стали поговаривать, что старик выжил из ума. Ну, в самом деле, восемьдесят лет... Восемьдесят пять... А он всё чего-то бормочет. То вдруг на заседании Академии заявил, что был лично знаком с М. В. Ломоносовым. То на конференции, посвящённой 550-летию со дня рождения Леонардо да Винчи, затеял наизусть пересказывать, причём на латыни, его труд, о котором никто во всём мире никогда не слышал...

В «жёлтых» газетах появились статьи: де, старик имеет «прямую связь с Космосом», что позволяет ему черпать громадные знания из некоего «вселенского информационного поля». А он даже не возражал, не защищал свою научную состоятельность!..

Старик Гроховецкий не был учителем Боба Шилина. Он был учителем учителей Боба Шилина. Они познакомились случайно, на открытии какой-то выставки в Политехническом музее, и с тех пор Боб иногда приезжал к нему...

3

До конца недели Шилин возился с тефлоновой сковородой. Он из-за этого даже отложил поездку на дачу к тёще. И к старику Гроховецкому попал только в субботу.

Лавр Фёдорович жил на самой окраине московского пригорода, Люберец. Он отчего-то не любил больших городов, считал урбанизацию вредным процессом и сторонился людей, этим процессом испорченных. А потому особо ценил вид из окна своего дома: почти не застроенные пространства лесов и перелесков, небо от края до края...

Дверь Шилину открыла сухая скуластая старушонка, жена учёного. Велела снять обувь и скрылась за дверью кабинета, откуда немедленно раздалось ворчание старика:

– Ты мне какой кефир принесла? А? «Милую Милу»? Сколько раз я просил не покупать эту гадость. Бери у Верки на рынке...

– Не было сегодня Верки.

– Тогда не надо было никакого брать. Сама пей эту отраву.

– Ну и выпью, большое дело...

Старушка уплелась на кухню, а Боб вошёл в кабинет и представился. По прошлым своим визитам он знал, что старик не всегда сразу вспоминает былых визитёров. Но на этот раз он Шилина узнал, кивнул благосклонно, назвал «голубчиком». Велел садиться. Боб сел и, чтобы потрафить старому отшельнику, немного поругал городскую суету, похвалил пейзажи

за окном, выразил радость, что Лавр Фёдорович хорошо здесь устроился. Тот равнодушно покосился в сторону упомянутых пейзажей, пожал острыми плечами:

– Все как-то живут. Все привыкают. Скоротечна память людская, не способна она осознать многообразие жизни... Вам с вашего места видно насыпь, которую они там скоропалительно трамбуют?

Боб приподнялся, глянул в окно. Действительно, вдалеке, между домом и горизонтом, среди мягкой зелени полей и тяжёлой зеленью деревьев, желтела широченная земляная насыпь, по которой сновали самосвалы и бульдозеры.

– Бочажку с водой они видят, – бурчал старик, – и пока её обкапывают, чтобы, наверное, потом свести воду в Чёрное озеро и засыпать это место тоже. Но там есть ключик... небольшой такой ключик... даже два. И вот потом построят на этой насыпи жилой микрорайон. Дома, дороги... Десять тысяч жителей останутся в неведении, что здесь было раньше, и не подозревая, что будет потом. А ключики... эти ключики будут подтачивать дома и дороги.

Из глаза его вытекла слеза.

– Я стал плохо видеть, – пожаловался он. – Но пока ещё всё помню. О чём это я?

– «Не подозревая, что будет потом», – подсказал Боб.

– Ах, да. Вы физик, вы должны понять. Тот ускоритель, что эти умники строят в Альпах, просто преступление. Потому что не факт, что Вселенная находится в устойчивом состоянии. Нельзя быть в этом уверенным, Борис Дмитриевич. Вот они сейчас разгоняют частицы, чтобы лоб в лоб был удар. Энергии очень большие, десять в семнадцатой степени электронвольт. Для безопасности, и то относительной, нужно строить ускоритель больше Солнечной системы диаметром. Если же добиться желаемого результата на локальном участке, то в придачу можно получить результат не желательный: начнётся ядерная реакция с выделением энергии, которой хватит, чтобы изменить физическое состояние всей Вселенной. Они наш нестабильный мир толкнут к переходу к другой устойчивости, где для нашей планеты может не оказаться места!

– А вы кому-нибудь в Академии об этом говорили?

– Голубчик! Говорил, не говорил, а толку-то! Может, и говорил. Я ведь могу понять, а влиять я уже не могу. Сижу и жду, что один какой-то умник двинет рычажок на лишние полмиллиметра, и вся наша реальность потоком излучения перейдёт в иной вид.

– И что же, по вашему мнению, делать?

– Лучше ничего не делать. Сидеть и тихо надеяться, что пронесёт...

– Один древний китаец, Лао Цзы, говорил: «Действует бездействием мудрец», – блеснул эрудицией Боб.

Гроховецкий кивнул:

– Это потом придумали прозвище Лао Цзы, «Старый мудрец». И теперь верят, что в древности некий Старый мудрец придумал очень всем нужное учение Дао дэ цзин. А на деле жизнь сама по себе, учение Дао – само по себе. Человечеству от него ни тепло, ни холодно.

Бобу трудно было угнаться за мыслями старика. Однако он быстро нашёл аргумент в защиту человечества:

– А китайцы-то! Они это учение в школе преподают...

– И много оно им помогло? – усмехнулся Лавр Фёдорович. – Если ничего не делать, мир всё равно меняется, и невозможно понять, почему и в какую сторону. В человеческих языках даже нет слов для описания этого процесса. Люди слишком замкнуты на свой интерес, у них очень бедная лексика. Большинство всерьёз уверено, что есть «добро» и есть «зло», и между ними идёт «борьба»... Вот же чепуха... Причём заметьте, голубчик, только иероглифика позволила сформулировать основы даосизма. То есть это учение записано не словами, а категориями. А уж как людишки перевели их в слова, дело известное. Понятно, что всё переврали. Нет, надо было быть последовательным: уж если решил действовать бездействием, так зачем составлял учение?... Гордыня, вот оно что...

Появилась старушка, жена Лавра Фёдоровича; её имени Боб, к стыду своему, не знал. Она толкала перед собою сервировочный столик с колёсиками, на котором стояли чайник, чашечки, стаканы и блюдечко мёда.

– Что бы я без тебя делал, – надтреснутым ласковым голосом пробурчал старик.

– Голодным бы сидел, – строго сказала она и вышла.

Пока Боб разливал по чашечкам чай, Гроховецкий говорил будто бы сам себе:

– Сначала всё было не так. То, что я изучал в юности, теперь знаю только я. Многое куда-то потерялось. И то, что получилось, огорчает меня. Особенно, что пропали некоторые очень яркие люди. Был один поэт... Его нет в этом мире. Вот, я вам прочту: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как...»

– «Как мимолётное виденье, как гений чистой красоты», – подхватил Боб. – Пушкин Александр Сергеевич, «Анне Керн».

– Вы знаете Пушкина?!

– Все знают Пушкина. Его в школе заставляют изучать.

– Да?! Какое счастье... А я думал, тут его нет. Я стал быстрее умирать, – пояснил он. – Не успеваю даже разобраться, что к чему, а уже – хлоп...

Старик осторожно отхлебнул чаю, спросил, чем он, собственно, может быть полезен уважаемому Борису Дмитриевичу. Боб стал рассказывать про свои успехи в изготовлении эквиполя как искусственной модели магнитного монополя. Гроховецкий слушал, кивал, впопад задавал вопросы. Боб, отвечая, не переставал удивляться, насколько старик при всей своей внешней дряхлости сохранил умственные способности. А тот, уяснив всё досконально, кратко резюмировал услышанное, вопросительно поглядывая на Шилина: дескать, правильно ли я понял? – и выдал чеканную фразу:

– Итак, вы создали в общем магнитном поле большой компенсационный заряд. И в силу этого смогли летать.

– Антигравитация! – осенило Боба.

– Она, – сказал Гроховецкий и неожиданно спросил: – А почему вы решили подняться при помощи трёх шаров?

– Из-за удобства, – ответил Боб. – На одном шаре висеть, как на гвозде, в этом было бы мало радости. С палки, к которой приделал два шара, я свалился. Вот и полетел на трёх. Я бы даже предпочёл четыре, а то одна нога всё время соскальзывала. Но у меня осталось только три.

– Вот как? – прищурился старый учёный. – А я хотел вас поздравить с мастерским решением проблемы движения в стороны.

– Как это?

– А представьте себе табуретку. Что такое табуретка? Небольшая площадка для размещения седалищной части человеческого организма. Но она должна быть: а) на удобном для человека расстоянии от пола, б) устойчивой. Так?

– Так, – ответил озадаченный Боб.

– Предположим, проблема установления удобного расстояния от пола нам ясна, и мы её решили. Как быть с устойчивостью? Если у табуретки одна ножка, она неустойчива во всех направлениях. Если мы ей приделаем две ножки, то можем упасть только в двух направлениях. А вот если ножек три, то табуретка наша устойчива на плоскости.

– Ну да, – сказал Боб. – Дальше можно сделать хоть сто ножек разной длины, стоять она будет на трёх самых длинных.

– Вот именно. В магнитном поле Земли компенсаторный заряд, распределяемый между тремя шарами, позволит вам уверенно передвигаться куда угодно. Вне Земли вам, возможно, понадобится ещё один шар, чтобы получилась пирамида...

– Как же, а у меня получалось только вверх и вниз.

– А вы подумаете – и поймёте...

Они занялись подробным обсуждением принципов управления, но в конце беседы старик отвлёкся, задумался, а потом озадачил Боба.

– Эта ваша штука, мономагнит в действии, может оказаться очень опасной для человечества, – сказал он.

– Вот тебе и на, – растерялся изобретатель. – С чего бы это?

– С того, что Вселенная и так неравновесна. Кто знает, куда толкнут её ваши полёты. Это, голубчик, надо обдумать.

Глава пятая

1

По коридору быстро шёл Никодимыч со свитой прихлебателей.

– Молодец, – отрывисто бросил он, проходя мимо Боба. – Грамотное заключение дал по сковороде. Зайди к Марине.

Марина была девицей, выполнявшей функции теневой бухгалтерии, она выдавала зарплату в конвертах.

Отойдя от Боба шагов на десять, Сурин обернулся и крикнул:

– Но премии тебе не будет! За срыв сроков!

Он сделал это, конечно, специально, чтобы все слышали и на ус мотали: Никодимыч за работу платит, но и за промашки карает.

Бобу вспомнился вопрос Лавра Гроховецкого:

– А кто у вас начальником?

Боб ответил ему, что Никодимыч Сурин, а старик засмеялся:

– А, Лёнька! Знаю его. Этот не учёный, а барыга. Зачем вы с ним работаете, голубчик? Ничего хорошего вы у него не почерпнёте...

И тогда Боб ответил ему, что у Сурина он не работает, а зарабатывает. Конечно, чем заниматься всякой мутнёй вроде сковородок, чудо-тёрок и прочего, лучше дома сидеть. Но «белая» зарплата в институте маленькая, а «чёрная», что идёт от Сурина, большая. А главное, в институте есть возможность заниматься наукой. Пусть даже бесплатно.

Боб задумчиво почесал щёку и отправился к Стражестрахову, думая сразу о многих вещах. О том, что Гроховецкий всё-таки гений, а маленькие заскоки его только украшают. О том, что если делать расчёты по методу, который предложил ему старик, то можно обойтись «малой кровью»: практические программы для таких действий есть. Вот и сейчас он шёл к зубру математики потому, что затеял перевести на свои цели старую программу расчёта напряжений в электросетях, она вполне подходила для его нужд.

А чтобы переходить к практике, надо валить на дачу. В городе это невозможно. И поскольку он занимался эквиполем помимо планов ИКП и никому не был обязан, а злопамятный Никодимыч уже сказал, что не даст ему новых коммерческих заданий, он решил подать заявление на отпуск.

Пока шёл к Стражестрахову, Боб подумал и о том, что Сурин – ещё не самый плохой экземпляр. А вот был у них в главных инженерах некий Мартьянов, которого иначе как Воффкой никто не звал, так это был жулик из жуликов: половина госфинансирования института прямиком шла к нему в карман. Этого Воффку Боб вспомнил потому, что, как оказалось, Лида из патентной библиотеки, дочку которой он давеча пытался воспитывать прямо на улице, была бывшей второй женой Мартьянова. Теперь этот, говоря словами Лиды, «любитель галантных приключений» отправился на завоевание новых вершин, должностей и женщин, оставив институт с непоплаченными долгами, а Лиду – с дитём на руках. Благо хоть иногда подбрасывал мелочишку на содержание собственной дочери!..

2

Мальчики всего мира любят играть с инструментами. Для всякого дошкольника высшее счастье – это найти папин молоток, и пока родителей нет в квартире, что-нибудь поприколачивать. Или найти пилу и чего-нибудь попилить, с восторгом наблюдая, как будто бы из ничего возникают горы красивых мягких опилочек. А некоторые особо одарённые мальчики сохраняют эту любовь до глубоких седин и широких лысин. Так, заслуженный изобретатель Российской Федерации Боб Шилин играл со своим эквиполем до полного самозабвения.

Для начала он сделал себе эквиртку. Откопал в старом хламе на даче длинную робу дубового качества, с широкими рукавами. Вычистил её, слегка укоротил, трудолюбиво пристроил на груди и спинке крепкие лямки. В рукава вшил гибкие пластмассовые вкладыши, сходящиеся у лопаток «замком», чтобы крепить в них шары, и сделал так, чтобы нижний шар, вроде пуговицы, пристёгивал полы к спинке между ног. Единственно, управление пришлось делать самое элементарное: две высоты по вертикали и две скорости по горизонтали. Иначе растопыренных рук не хватало.

Сложнее всего оказалось поворачивать на лету. Тяга-то идёт по вектору, на разнице потенциалов шаров. Это не то что колёсами по дороге вертеть. Боб и задом наперёд полетал над лесом, и спиной, и боком, и вверх ногами. А когда решил потренироваться в своём хоз-блоке, его так об стену шмякнуло, думал, голову снесёт.

Зато какой был кайф применить эквиртку в деле!

Пришла тёща, напомнила, что хлеба в доме нет и ещё всякого нужного. Надо, стал-быть, в село идти, пять км в одну сторону.

Он и пошёл.

Она ему вслед крикнула: куда, дескать, в куртке в такую жарынь! А он отмахнулся, не обращаясь, чтоб она не увидела его радостной рожи. Он заранее предвкушал, что будет.

Ушёл в лесок, чтоб с деревни видно не было, натянул капюшон на голову, затянулся покрепче, поднялся в воздух и взял курс на сельскую колоколенку. Ветер слёзы давит: жмурился он, едва мимо не пролетел. Однако опустил в безлюдном месте, бодро сбегал в магазин и – обратно.

На всё про всё пятнадцать минут. И вот он уже с равнодушным лицом выставляет продукты из сумки на стол, а тёща сидит на своей табуретке и пытается сообразить:

– Да ты ж вроде только что ушёл?

– А я бегом сбегал.

– В куртке? Худеешь, что ль?.. Да не может этого быть!

– Точно тебе говорю. Ветер был попутный...

– Ой, Борька, чего-то ты врешь! – шасть рукой ему под куртку, хватать за майку, и как в той рекламе:

– А майка-то сухая!!!

Он, счастливый, захохотал в голос.

– Что, разыграл? – допытывалась она. – Ну, признайся. С вечера, что ль, всё купил и за околицей прятал?

– Говорю, сбегал. Вот сходи нарочно, спроси, был я там сейчас или не был. Тебе любой скажет...

Ещё три шара он приспособил к телеге, которую выпросил у соседа Василия.

По правде говоря, это была не Васькина телега, а ничейная, как бы общая. То есть сначала она была тёти-Раина. Нет, не так. Это была телега погорельцев, которые пришли из соседней Жужельни. Потом они ушли, а телегу оставили у тёти Раи. Она её год у себя во дворе терпела, да и выставила на улицу: забирайте, кому надо. А кому её надо? Телега без лошади, что лошадь без телеги. Гарцевать, что ли, на ней по огороду?.. А Василий утащил её к себе, потому что он вообще всё к себе тащит. Натура у него такая.

И вот Боб, взяв с собою Брута – любил Брут на досуге погонять Васькиного кота, – пошёл к Василию:

– Отдай телегу.

– Уважишь, отдам.

И они пошли в беседку, и засели там на два часа. В предыдущий свой приезд Боб дал Василию баночку «очищающего порошка» собственного изобретения: марганцовочка, уголёк активированный – ну, это как всегда. Но было там и ещё кое-что – так сказать, секрет фирмы, –

и теперь на столе стояла не гнусная сивуха, а чистойшая водочка, да к тому же «беспохмельная», содержащая в себе флавоноид сибирского кедра. И бутылочка была на загляденье, с фольгой и картинками, а стеклянная пробочка на ней с тиснением серебром. Васька подобрал её на станции, когда ездил в Москву весной.

Короче, Боб Ваську так уважил, так уважил, что Васька не только что ему телегу отдал, а впрягся вместе с Бобом в ту телегу и помог дотащить её к тёщину дому. Оси прикипели уже к днищу, ступицы треснули, колёса практически не вертелись; волоком тащили они это гремящее угробище, с песнями и криками «Эй, ухнем!», «Иго-го!» и прочим шумом. Вечер уже был, бабки повыбежали, кричали что-то, за общим грохотом неслышное, кое-кто кулачками грозил, а Боб крикнул им:

– Бабки! Тихо! Всем с фермы доставлю навоз бес-плат-но! На вот этой вот телеге!

А уж кто-кто, а местные бабки знали, что если Боря Шилин даже спьяну чего-то пообещал, то сделает. С навозом же в деревне была прям-таки беда. Приходилось ездить на ферму с маленькими тележками по многу раз, или нанимать за пузырь тракториста, или ещё как-то исхитряться...

Прекратили бабки ругань, облепили телегу со всех сторон, помогли Бобу с Васькой во двор к Антонине Николаевне её развернуть... Так началась эпопея с «летучей телегой», но прежде чем телега поехала за навозом, над их деревней пролетела ведьма на метле.

3

Что такое инерционность мышления, Шилин отлично знал. Это когда люди бесконечно тиражируют неудобное старое и никак не могут увидеть удобное новое. Взять, к примеру, ткани. Ткать полотно научились в ужасно древние времена! И что же люди с тканями делали? Они в них заворачивались, в лучшем случае завязывая на горле, то есть по инерции поступали так же, как их предки, которые заворачивались в звериные шкуры! Только в средние века додумали, что ткани можно кроить и сшивать.

Или взять старинные конторские столы. Письменность придумали раньше стульев, и до девятнадцатого века почти повсеместно писали исключительно стоя!

Шпенёчки на ручных крупорушках приделывали вбок, и тысячи лет выламывали себе кисти рук, пока сообразили сделать их вверх! Носили мешочки с деньгами в руках, не догадываясь пришить их к штанам, чтобы получились карманы. Первые автомобили делали похожими на кареты. В общем, примеров сотни.

Знал это Боб, знал, и сам же чуть не попал в ту же ловушку!

Ещё в день первого полёта, на мысль о котором его натолкнул сосед Василий, Боб задумал летательный аппарат под условным названием «Метла». Но он так и воспринял его как метлу, как полёт на палочке верхом! Вот ведь пенёк... Собрав модель, уселся посреди конструкции, включил генератор, и произошло то, что должно было произойти. Аппарат крутанулся, и Боб со всего маху грохнулся об пол. «Ньютоновскую физику и Евклидову геометрию ещё никто не отменял», – такой тезис вызрел в башке, когда к нему вернулась способность формулировать мысли нормальным языком. «Через две точки можно провести бесконечное число плоскостей, вот одна и приложила меня о другую».

Теперь, вернувшись к проекту «Метла», он подумал: «Прав был старик Гроховецкий. Надо делать три точки».

Бросив всё, заперся в своём хозблоке, открыл ноутбук и засел за расчёты: конфигурация, площадь, импульс тяги, устойчивость. Попутно придумал понятия сброса и кривизны и ввёл в расчёты соответствующие коэффициенты, чтобы обеспечить ограничения по взлёту. Если по-простому, чтоб аппарат не выкинуло в стратосферу. Холодно там, да и дышать нечем. Мелькнула мыслишка про скафандр, но погодим пока со скафандрами... Нам бы чип управ-

ления где добыть. С чипом управления (скажем, от тётчиной компьютерной игрушки) сваять автопилот – плёвое дело.

Заранее хихикая, он пробрался в дом, в комнату тётчи. Сама «баба Тоня» проводила на веранде задушевную беседу с очередной брошенной мужем тёткой. Он прислушался: болтовни у них ещё на час минимум. А ему надо две минуты...

Тётца его, народная семейная целительница, была фанатичным любителем компьютерных игр. Целыми вечерами, вцепившись в ручку джойстика, гоняла самолётики по экрану телевизора. Вот на её джойстик Боб и нацелился. Тихонечко открутил винтик, аккуратненько влез под крышку и отсоединил один только контактик. Всего один! Он ведь не изверг... Потом собрал всё, как было, ушёл крадучись и занялся сборкой модели «Метла-2». Через часик, когда он почти закончил сборку, прибежала тётца с воплем:

– Борька, выручай! У меня там чегой-то игрушка не заводится!

– Ладно, завтра.

– Чего завтра? Почему завтра? Идём, быстро!

– Эх, уговорила! Идём.

Они пошли, он забрал джойстик и чип от игры, и попенял ей:

– Видишь, я ради тебя на всё согласен. Работу бросил, чтобы игрушки твои чинить.

– А надолго это?

– А я не знаю. Ты займись пока обедом-то.

Она пошла на огород, дёргать салат и редиску, а он – в свой хозблок, настраивать чип управления для полёта.

Вскоре аппарат приобрёл такую конфигурацию: длинная палка, руль и седло от велосипеда покойного тестя, в руле два шара, в седле третий, а сзади – треугольный хвост, в котором конус генератора и блок питания. Он как раз любовался результатом, когда тётчин голос гаркнул у него над ухом:

– А это что такое?!

– Это летающий аппарат, – с удовлетворением сказал он. – Называется «Метла».

– Сам придумал?

– Сам.

– И что, летает?

– А чего ж ему не летать-то?

– А-а-а, – догадалась она. – Вот почему ты так быстро за хлебушком бегаешь. Теперь давай я слетаю. Только, Борь, на метлу не очень похоже. Это, скорей, балалайка у тебя получилась. Вон возьми из вязанки хворосту-то, а я за скотчем схожу.

Потом они вязали к хвосту хворост, а Боб объяснял:

– Просто сидишь в седле и ничего не делаешь. А он тебя будет над лесом кругами гонять, на автопилоте. Когда надоест, вот этот рычажок – видишь? – щёлкнешь на себя и приземлишься вот на этом самом месте.

– Не, зачем мне так? Я, что ли, инспектор лесоохраны, над деревьями кружить? Ты сделай такой автопилот, чтоб я к селу слетала. Очень мне хочется попа подразнить.

С местным батюшкой у Антонины были натянутые отношения. Он не просто не одобрял её вмешательства в семейные дела прихожан, но с церковного амвона обзывал ворожеей и всячески настраивал против неё возможных клиенток. Она пошла однажды в церковь, чтобы объяснить ему: не ворожкой она занимается, а ведёт психоаналитические беседы, – так злобный поп её в церковь не пустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.